A20 6/64.

A20
6/64
A20 6/64
2708/11

О ЗЕМЛЕДѢЛІИ.

1846.

XXIII а 3.а 33

О ЗЕМЛЕДѢЛІИ

ВЪ ПОЛИТИКО - ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.

Разсужденіе Экстраординарнаго профессора

В. ПОРОШИНА.

ЧЕРТКОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА

XXIII
3.9
23

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 18598
10/VIII 1932 г.

Земледѣліе, какъ искуство, никогда не потеряетъ правъ своихъ на вниманіе людей благомыслящихъ. Въ этомъ смыслѣ древніе, недорожившіе промысломъ, любили земледѣліе за доброе вліяніе его на человѣка, въ видахъ нравственно-идиллическихъ. «Оно даетъ намъ, говоритъ Ксенофонтъ, насущный хлѣбъ и цвѣты благовонные, украшающіе жертвенники боговъ.» Оно питаетъ и тѣло и душу. Прелести сельской жизни, столько разъ воспѣтыя и прославленныя, всегда будутъ новы и привлекательны: отъ того-ли, что красоты природы сильно говорятъ чувствамъ? что онѣ неувядаемы? Но природа не вездѣ равно прекрасна. Она не увядаетъ; но впечатлѣнія чувствъ слабѣютъ отъ времени и привычки. Какъ много путешественниковъ, скучающихъ тѣмъ, что въ но-

вомъ мѣстѣ казалось имъ очарованіемъ, что въ самомъ дѣлѣ очаровательно! Одно стремленіе изъ края въ край спасаетъ ихъ отъ муки пресыщенія. Отъ чего же вездѣ, даже въ суровой бѣдной сторонѣ, земледѣлецъ отъ души привязанъ къ тѣсному пространству, гдѣ живетъ и дѣйствуетъ? Именно отъ того что дѣйствуетъ: созерцаніе, одно созерцаніе не насыщаетъ сердца, и деревцо, посаженное имъ самимъ, въ родимой почвѣ, на зарѣ весенняго дня, милѣе тѣхъ садовъ великолѣпныхъ, гдѣ запрещается топтать траву, касаться цвѣтниковъ и т. п.

Впрочемъ, чѣмъ значительнѣе предметъ владѣнія, тѣмъ, разумѣется, яснѣе и отраднѣе намъ мысль, что видимое есть дѣло рукъ нашихъ, дѣло нашего помысла: сознаніе творящихъ силъ въ самомъ себѣ такъ лестно для человѣка! «Богъ сотворилъ его умна и самовластна» замѣтилъ одинъ изъ древнихъ учителей церкви.

Разсматривая земледѣліе какъ искуство, я признаю въ немъ нѣкоторыя черты, особенно отличающія его въ извѣстныхъ случаяхъ, и т. с. особый видъ земледѣлія. Я воображаю себѣ въ

совокупности достаточное владѣніе, полную собственность, свободу неограниченную, дарованіе, вкусъ и степенность нрава. Всѣ эти условія могутъ встрѣтиться и найти себѣ выраженіе столь изящное, что сельское счастіе и картины Виргилія, Томсона и Делиля перестаютъ быть мечтою воображенія, небылицею. и становятся былью для всѣхъ несомнѣнною. Единственный въ этомъ родѣ примѣръ представляетъ Англія. Жребій судилъ ей господствовать на моряхъ, и всѣмъ извѣстно какъ воспользовалась она морскимъ своимъ положеніемъ. Но и земля не осталась тамъ въ забвеніи: напротивъ, нигдѣ, можетъ быть, ею такъ не занимаются. Подъ сѣкирою просвѣщенія дремучіе лѣса изчезли, или замѣнились рощами, рощи—парками, гдѣ рука искуства, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, умножила мѣстоположенія; тамъ воздвигла скалы и утесы, для того чтобъ засѣять ихъ красивѣйшими изъ растеній, любящихъ каменистую почву; здѣсь уводнила низменность, чтобъ развести на ней семью узорчатыхъ поростовъ и рѣдкихъ водорослей; вездѣ раскинула густой, зеленый, шелковый коверъ, и кристальныя рѣчки, и свѣжія поляны населила приличными имъ жильцами. Я видѣлъ тамъ племенныхъ

быковъ и барановъ: быковъ великорослыхъ и точно «важныхъ въ сорокъ пудъ», цѣны неимовѣрной и непорочной бѣлизны; видѣлъ игривые табуны коней и домашнюю птицу, золотыхъ фазановъ и черныхъ лебедей. Видѣлъ и домы ихъ хозяевъ: снаружи, грозныя стѣны и зубцы бойницъ и башенъ; внутри, почти оранжерейный видъ. Свѣтлыя, широкія, низкія до-полу окна и стеклянныя двери, изображая миръ, безпечность и довѣріе, какъ будтобы противорѣчатъ окружающимъ ихъ твердынямъ. Такъ настоящее не похоже на прошедшее! Во вкусѣ настоящаго отдѣлана внутренность тѣхъ домовъ, построенныхъ часто въ срединѣ парка, безъ стѣнъ и укрѣпленій, и представляющихъ издали, съ своими принадлежностями, подобіе городка. Просторъ, удобство и непринужденность озолотили тамъ досугъ и дѣятельность благородную. Задача рѣшена какъ сдѣлать жизнь пріятною и счастливою. Взойдемъ: покои, обитые внутри рѣзнымъ кедромъ, или штофомъ и бархатомъ съ позолотою; вьющіяся вокругъ дома галлереи; тамъ красивая мебель и цѣльныя зеркала; здѣсь образцовыя творенія художествъ, китайскій фарфоръ и вазы Этруріи, одушевленные лики предковъ, Макіавель Тиціана,

Лойола Рубенса, библіотека съ безсмертною строкой Петрарки и Вольтера; бѣломраморные камины и стѣны нагрѣтыя внутри воздухомъ; благоуханіе въ саду и на дворѣ, тѣнистыя аллеи, провожающія взоръ вашъ изъ окна до синяго небосклона: вотъ неискусный очеркъ сельскаго приволья, даннаго въ удѣлъ не многимъ на землѣ. Вы спросите: кто эти поселяне? Вамъ отвѣчаютъ: графъ Бриджватеръ, Варвикъ, Эссексъ. Спѣнсеръ, дюкъ Бедфордъ, лордъ Фицвилліамъ и др. Вы замѣчаете, что жизнь имъ не насущное средство, а прекрасная цѣль. И почему мы назвали здѣсь тѣхъ господъ? Потому что они земледѣльцы. Знатоки деревенскаго дѣла, они преобразуютъ внѣшній міръ вокругъ себя. Трудясь и богатѣя, они наслаждаются. Глыба земли въ ихъ рукахъ есть начало всего, что мы видѣли: вотъ земледѣліе въ обширномъ высшемъ значеніи слова и его представители! Они дѣйствуютъ еще другимъ образомъ — своимъ примѣромъ. По подобію ихъ весь край цвѣтетъ роскошной полнотой и благолѣпіемъ. Фермеры подражаютъ землевладѣльцамъ; они также знаютъ магическую силу свѣтлаго домика въ сѣни каштановъ, акацій и тополей, межъ зеленью луговъ и пашенъ: чистыя, тучныя

поля ихъ, засѣянныя пшеницей, обсажены вокругъ деревьями, и трудно выразить какъ живописный видъ ихъ веселитъ и радуетъ взоръ и сердце. Фермерамъ подражаютъ образованные земледѣльцы другихъ странъ, и вездѣ—ввести у себя англійское хозяйство, значитъ усовершенствовать свое. Это совершенство состоитъ не въ особомъ какомъ-либо изобрѣтеніи, а вообще въ благоустройствѣ внѣшнемъ и внутреннемъ, въ обдуманной бережливости, при которой ничто не пропадаетъ и все находится на своемъ мѣстѣ, въ дѣятельности ума и тѣла, извлекающей пользу изъ данныхъ способовъ имѣнія. Такія свойства, при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ находятъ и указываютъ путь, которому должно слѣдовать, и сами имѣютъ источникъ свой въ той привязанности къ отеческой землѣ, въ той любви, которая просвѣщаетъ и освящаетъ всякаго человѣка, по выраженію Екклезіаста: «любовь же есть святой учитель». Это расположеніе души, въ дѣлѣ столь положительномъ, можетъ казаться легковѣснымъ и не совсѣмъ практическимъ: подробный расчетъ норфолькскаго или іоркскаго сѣво-оборота конечно осязательнѣе для многихъ. Но мѣстныя и другія условія нерѣдко измѣняютъ силу такихъ частныхъ

наставленій ; и обвиненіе «раззорился отъ заморскихъ выдумокъ» язвящею стрѣлою падетъ на несчастливыхъ подражателей. Потому, для насъ гораздо драгоцѣннѣе то, что, будучи свойства общаго, служитъ залогомъ успѣховъ и усовершенствованій тамъ, и вездѣ, и на всякомъ мѣстѣ. Любовь къ предмету озаряетъ его собственнымъ своимъ свѣтомъ, живитъ его своею жизнію, и — нравственный калейдоскопъ — дѣлаетъ его прекраснымъ. Предоставляя вашимъ соображеніямъ рѣшить какъ и чѣмъ возбуждается и поддерживается это чувство, замѣчу только, что оно легко можетъ ослабѣть и изчезнуть. Земледѣліе скромно вознаграждаетъ тѣхъ, которые ему служатъ. И потому, если званіе ихъ не пользуется особымъ уваженіемъ, а сами они прочнымъ спокойствіемъ и свободою, если время и вниманіе ихъ поглощается жаждою мнимыхъ отличій или борьбою съ нетерпимостію, ябедой и невѣжествомъ; если духъ унылъ или погрязъ въ самозабвеніи: земля будетъ воздѣлываться, по необходимости; но земледѣліе потеряетъ высокое свое значеніе.

Въ этомъ правилѣ мы находимъ ключъ ко многимъ вопросамъ несомнѣнной важности. Отъ чего напр. земли, въ общемъ владѣніи состоящія,

представляютъ обыкновенно жалкій разстроенный видъ? Отъ чего ажіотажъ землями препятствуетъ имъ добрѣть и возвышаться въ прямой своей цѣнности. Отъ чего Ирландія, снабжающая Англію произведеніями земли, не находитъ въ земледѣліи своемъ тѣхъ элементовъ силы и богатства, которыя находитъ Англія въ своемъ? Въ механическомъ языкѣ Англичанъ есть нѣсколько словъ довольно страннаго образованія: одно изъ нихъ «absenteism» содержитъ въ себѣ отвѣтъ на послѣдній вопросъ. Сыны Ирландіи, богатые и бѣдные, бѣгутъ зеленыхъ береговъ ея: одни уѣзжаютъ въ Европу, другіе переселяются навсегда въ Америку. Но большій вредъ краю причиняетъ отсутствіе землевладѣльцевъ. Земля безъ хозяина отдается на откупъ: другіе нанимаютъ ее по частямъ у откупщика, и нерѣдко сами, дробя эти участки, находятъ наемщиковъ бѣднѣйшихъ, которые и обработываютъ землю своими руками. Ихъ безыскусный трудъ извлекаетъ доходъ, но имъ пользуются другіе, равнодушные къ участи земледѣльца и къ успѣхамъ земледѣлія. Владѣлецъ живетъ далеко. «Что ему, въ лондонскомъ дворцѣ своемъ, вопль отчаянія, вылетающій изъ ирландской хижины? Подъ чистымъ, яснымъ небомъ Италіи,

онъ не знаетъ того, что въ Ирландіи буря сразила жатву бѣднаго; сидя въ Неаполѣ, онъ не вѣдаетъ, что она не вызрѣла тамъ, на холодномъ солнцѣ сѣвера; что толпы поселянъ, воздѣлывающихъ его земли, доведены тѣмъ до крайности, или раззорились, кто отъ долгой болѣзни хилаго отца семейства, кто отъ пожара, кто отъ падежа: онъ ничего этого не знаетъ, да и знать ему про то было бы не удобно. Ему извѣстно только, что ирландскіе фермеры обязаны внести ему 20,000 ф. ст., что на эти деньги разсчитана его жизнь; что онѣ должны быть заплачены ему сполна и въ назначенный срокъ, иначе разстроится весь порядокъ его затѣй и привычныхъ удовольствій. Впрочемъ все равно, живетъ ли онъ въ имѣніи или внѣ имѣнія: его вліяніе не можетъ быть благотворно ни для земли, ни для поселянъ» *. Причинъ тому много, но всѣ онѣ приводятся къ одной: онъ не любитъ ни постылой земли, ни поселянъ во всемъ ему чуждыхъ. А воспитаніе и образъ мыслей, а воля, лакомая къ наслажденіямъ утонченнымъ, увлекаютъ его въ другую сторону. Такое негармоническое развитіе общества бросаетъ мрачную тѣнь свою на все

*L' Irlande sociale, politique et réligïeuse p. G. de Beaumont Paris 1839. I, 227.

видимое и невидимое, и оставляетъ слѣдъ свой на землѣ, общемъ поприщѣ человѣческихъ дѣйствій. Великое было бы дѣло разбудить забытыя чувства благоволенія и простыя влеченія природы въ избалованномъ сердцѣ вельможъ и богатыхъ. Каковы бы ни были избранныя къ тому средства, навѣрное можно сказать, что съ перемѣною нравственныхъ отношеній и внѣшній видъ края перемѣнится, и одно будетъ свидѣтельствовать о другомъ, какъ изящное произведеніе о своемъ художникѣ, а художникомъ въ этомъ случаѣ будетъ весь народъ, произведеніемъ же земля, имъ воздѣланная и преобразованная. Обратимся къ другой сторонѣ предмета.

Какъ промыселъ, земледѣліе есть разведеніе полезныхъ растеній и полезныхъ животныхъ. Оно можетъ быть болѣе или менѣе выгодно: оно имѣетъ въ виду одну чистую прибыль или доходъ. Здѣсь открывается въ немъ другая новая сторона, я сказалъ бы другая эпоха развитія, если бы обѣ формы были несовмѣстны. Ихъ различіе можно доказать, и доказать историческимъ примѣромъ. Типъ древняго гражданина и земледѣльца, Катонъ, непзмѣнный цензоръ, перемѣнилъ съ лѣтами взглядъ свой на земледѣліе. Долгое

время, по свидѣтельству Плутарха, онъ не зналъ иной заботы кромѣ сельскихъ трудовъ и судебной практики. «Съ-утра уходилъ онъ въ сосѣдніе города, защищать тамъ права угнетенныхъ передъ судомъ; потомъ возвратясь домой, брался за плугъ, и въ простой одеждѣ, а лѣтомъ полунагой, работалъ въ полѣ съ домочадцами, и по трудахъ садился съ ними за одинъ столъ» *. Простой суровый родъ жизни нравился ему какъ другимъ любы нѣга и роскошь. Въ избыткѣ силъ, онъ предпочиталъ покою сокрушительный трудъ, удобряющій ниву отчую, лихую сабинскую почву, жесткую какъ Катонъ, по причинѣ кремней, ее покрывающихъ **. Словомъ, онъ любилъ земледѣліе, какъ скульпторъ любитъ обаянный имъ мраморъ — съ увлеченіемъ безкорыстнымъ. Потомъ, состарѣвшись, въ тѣ лѣта когда честолюбіе, властолюбіе, корыстолюбіе смѣняютъ игривость безпечныхъ чувствъ и увлеченіе, когда вѣнокъ поэзіи слетѣлъ

* Les vies des hommes illustres par Plutarque trad. par Ricard. Paris 1836 *Caton le Censeur* § *IV*.

** Ego jam a principio in parsimonia atque in duritia, atque industria omnem adolescentiam meam obstinui, agro colendo, saxis Sabinis, silicibus repastinandis atque conserendis. *Festus in v. repastinari.*

съ чела, а живой румянецъ сошелъ уже съ ланитъ, и суетность ищетъ замѣнить его чѣмъ-нибудь инымъ, розовымъ составомъ, яркой эпанчей или алой лентой, въ тѣ лѣта Катонъ писалъ о земледѣліи «de re rustica». И вотъ между прочимъ его совѣты: «Хорошій хозяинъ больше продаетъ нежели покупаетъ. Продавай елей, если хороша цѣна, лишній хлѣбъ и вино, продавай коней и быковъ устарѣлыхъ, взрослыхъ овецъ, шерсть и шкуры, ветхую сбрую, желѣзный хламъ, стараго раба, хвораго раба, и все, что сверхъ того окажется лишнимъ, продавай, продавай!» И еще: «Будь хорошъ съ сосѣдями; не давай слугамъ своимъ безпокоить ихъ. Будешь жить въ ладу съ сосѣдями, легче все продашь, принаймешь работниковъ, самъ найдешь подрядъ. Затѣешь-ли строиться, и они пособятъ, силами, скотомъ, всякимъ матеріаломъ. Въ бѣдѣ и напасти (Боже сохрани!) также защитятъ» *. Такъ-то все у него взвѣшено и разсчитано, и добродѣтель имѣетъ мзду свою. Катонъ — порядочный человѣкъ, понимающій пользу любви и добродѣтели. Дорисуемъ его немногими чертами изъ Плутарха: «Подъ конецъ,

* *M. P. Cato de re rustica* in: Scriptorum rei rusticae edit. I. G. Schneider. Lipsiae 1794, tom. I, cap. 2 et 4.

когда любостяжаніе укоренилось въ немъ, онъ сдѣлался равнодушнымъ къ земледѣлію, которое, какъ ему казалось, есть болѣе *утѣха*, нежели *статья дохода*. И желая пустить деньги свои въ вѣрный оборотъ, онъ скупилъ рыбныя ловли, дачи съ цѣлебными ключами, мѣста удобныя для устройства суконваленъ, пространныя заведенія, лѣса и пастьбища, статьи многодоходныя, въ которыхъ самъ Юпитеръ, по собственному его выраженію, не властенъ помѣшать ему. Бралъ съ корабельщиковъ неслыханные росты, (обезпечивая себя отъ случайныхъ утратъ искуснымъ примѣненіемъ теоріи вѣроятностей). Торговалъ рабами, которыхъ бралъ къ себѣ на выучку. Онъ говаривалъ, что тотъ великій человѣкъ, кто можетъ доказать своей приходной книгой, что нажилъ болѣе, чѣмъ получилъ въ наслѣдство отъ отца.*)» Вотъ безспорно бойкій меркантилизмъ, опередившій вѣкъ, который сплошь зовутъ всѣ меркантильнымъ. Въ жизни Катона обозначаются явственно разные виды земледѣлія: сначала занятіе имъ по страсти; потомъ — для прибыли, и

*) См. *Caton le Censeur* § *XXXIII.*

трактатъ de re rustica; наконецъ—убѣжденіе, что соха не ведетъ къ скорому обогащенію. Минуя здѣсь то, что въ образѣ мыслей Катона носитъ на себѣ отпечатокъ личнаго его характера, разсмотримъ ближе послѣднее его убѣжденіе, которое (замѣтимъ это мимоходомъ) не помѣшало ему говорить и писать въ честь земледѣлія, что «изъ земледѣльцевъ выходятъ и крѣпкіе люди и храбрые воители; ихъ честный трудъ не знаетъ гибельныхъ переворотовъ, не возбуждаетъ въ нихъ ни зависти къ другимъ, ни умысловъ зловредныхъ *).» Эти похвалы заставляютъ думать, что трактатъ de re rustica написанъ имъ прежде того разочарованія, о которомъ свидѣтельствуетъ Плутархъ. Можетъ быть Катонъ въ этомъ случаѣ повторялъ лишь мнѣніе другихъ; или, различая общій интересъ отъ частнаго, признавалъ выгоднымъ для государства то, чего не желалъ бы для себя.

*) At ex agricolis et viri fortissimi et milites strenuissimi gignuntur, maximeque plus quaestus stabilissimusque consequitur, minimeque invidiosus: minimeque male cogitantes sunt qui in eo studio occupati sunt. (init.)

Какъ бы то ни было, мы встрѣчаемъ здѣсь два мнѣнія противоположныя, которыя даже до сего дня плодятся въ сочиненіяхъ большихъ и малыхъ. То слышимъ громкій диѳирамбъ въ честь Цереры: ея плоды — плоды необходимо-нужные; трудъ, потраченный на нихъ, трудъ истинно производящій; и человѣкъ, воздѣлывающій землю, человѣкъ отмѣнный, здравый и крѣпкій тѣломъ, и потому грозный для враговъ отечества, вмѣстѣ съ тѣмъ миролюбивый, довольный всѣмъ и собою, умѣренный, набожный. То напротивъ, говорятъ, что земледѣліе — неблагодарное дѣло, что произведенія его громоздки, нейдутъ съ рукъ; чтобъ выйдти изъ бѣды, помѣщикъ заводитъ «филатуру», и вѣжливый горожанинъ зоветъ земледѣльца, а иногда и не земледѣльца въ укоръ просто «мужикомъ». Очевидно, что всѣ эти положенія *pro* и *contra* погрѣшаютъ своимъ абсолютизмомъ. Одно изъ нихъ служитъ основаніемъ знаменитой системѣ физіократовъ, которая при несомнѣнномъ своемъ достоинствѣ, представляетъ истину не въ надлежащей полнотѣ: въ томъ и состоитъ ея несовершенство. У физіократовъ земледѣліе относится къ другимъ промысламъ, какъ предметъ относится къ своей тѣни,—отношеніе конечно неравное,

однако же необходимое въ философскомъ значеніи слова; слѣдовательно, не совсѣмъ ложно постигаемое.

Тѣ, которые разсуждаютъ безъ системы, впадаютъ въ большія несообразности, выхваляя напр. государства чисто-земледѣльческія на счетъ другихъ. Но что значитъ государство чисто-земледѣльческое? Такое ли гдѣ живутъ подъ открытымъ небомъ и одѣваются шкурами? Народъ, у котораго земледѣліе преобладаетъ, потому только что всѣ прочія искуства остались безъ развитія, находится въ первой порѣ своего образованія, иначе сказать, онъ ходитъ въ лаптяхъ, жжетъ лучину вмѣсто газа, утопаетъ въ грязи на улицахъ и дорогахъ, не имѣетъ ни чистой кровати, ни плошки, ни ложки, порядочно сдѣланной. Если же эти средства грубаго потребленія таковы, что нельзя обойтись безъ нихъ, а въ странѣ исключительнаго земледѣлія не могутъ, и, по самому понятію такой страны, не должны быть лучше и совершеннѣе, то названіе ея равнозначительно бѣдности и полуобразованности, чѣмъ конечно нельзя довольствоваться. Нѣкоторые, наблюдая жаркое развитіе фабричности въ Великобританіи, и болѣзнуя объ участи рабочихъ въ душныхъ

городахъ, вывели заключеніе, что положеніе этого класса людей было бы счастливѣе, если бы обширные заводы и фабрики перенести изъ тѣсноты большихъ городовъ на просторъ въ удобныя мѣстности; и повсюдное усовершенствованіе путей сообщенія, сблизивъ центры производительности съ другими важными точками земной поверхности, безспорно облегчило бы исполненіе этой мысли.*). Можетъ статься, со временемъ такъ и будетъ; но ремесла и торговля останутся всегда городскимъ промысломъ: плоды и движители общежитія, отголоски его требованій самыхъ индивидуальныхъ, часто безотчетныхъ, они не иначе могутъ преуспѣвать какъ въ перекрестномъ огнѣ частныхъ мнѣній, прихотей, модъ, вымысловъ и соревнованія. И такъ, города составляютъ явленіе само по себѣ необходимое, и политикѣ остается лишь найдти средства къ ихъ безвредному процвѣтанію. Тщетно и неразумно было бы покушеніе противодѣйствовать умноженію ихъ, или разпространять мысль, что въ какомъ-нибудь государствѣ напр. въ Россіи, для промышленности

*) Etudes sur l'Angleterre par M. L. Faucher 1845. T. I. p. 383.

неземледѣльческой, «вовсе не нужна городская жизнь, которая вообще ни въ историческомъ развитіи, ни въ характерѣ края и народа не свойственна народному русскому быту *). » Все это кажется очень трудно доказать. Правда, не нужно желать «насильственнаго» развитія городовъ. Но когда слышимъ желаніе, «чтобы народъ остался въ сельскомъ быту (хотя и въ улучшенномъ, возрастающемъ состояніи), и продолжалъ заниматься, въ *семейномъ* кругу ремеслами, торговлею и *мануфактурами* и т. д.» то позволяемъ себѣ спросить: во первыхъ, какая разница между городомъ и нашимъ селеніемъ-слободою, въ нѣсколько тысячъ душъ обоего пола? Названіе, внѣшній видъ и формы управленія конечно не составляютъ главнаго, существеннаго. Не далѣе какъ въ московской губерніи есть города земледѣльческіе и тамъ же есть селенія фабричныя и ремесленныя. На низкой степени развитія все слитно; слѣдовательно, желать слитности явленій значитъ не желать развитія. И едва ли тѣ селенія въ такой мѣрѣ

*) Москвитянинъ 1845 г. № 2. (Февраль). «О мануфактурной промышленности Россіи въ отношеніи ея къ общей производительности и къ быту низшихъ классовъ народа.»

сохраняютъ чистоту нравовъ какъ предполагаютъ нѣкоторые. Во-вторыхъ, рѣшено ли вообще, что деревня выше города въ нравственномъ отношеніи? Для многихъ, правда, это не подлежитъ даже и сомнѣнію; и въ нѣкоторомъ смыслѣ они могутъ опереться на факты уважительные. Еще сильнѣе вступится за нихъ вѣковое предубѣжденіе. Здѣсь, можетъ быть, прежде всего слѣдовало бы привести въ ясность самое основаніе такихъ сужденій, понятіе нравственности. Нѣмецкіе философы различаютъ Moralität и Sittlichkeit, два слова одного корня, но разныхъ почвъ, такъ что смыслъ влагается въ нихъ философомъ болѣе или менѣе искуственно. Нашъ языкъ, слава Богу, безъ длинныхъ объясненій выражаетъ ту же истину двумя словами: *благонравіе* и *нравственность*. Благонравіе свойственно дитяти, нравственность — человѣку зрѣлыхъ лѣтъ. Золотой вѣкъ, сельская жизнь, юность, дѣвственность, благонравіе — все это очень близко по своему значенію. Нравственность есть болѣе зрѣлый плодъ горькаго искуса, плодъ познанія добра и зла: она не достается даромъ, а покупается жертвами и усиліемъ. Иногда видя ея потуги, ея мозольный трудъ, мы не узнаемъ ее, какъ не понимаемъ рѣчи недосказанной.

Есть причины думать, что городъ, явленіе высшаго порядка, служитъ дѣлу нравственности особеннымъ образомъ: какъ явленіе сложное, онъ не всѣми цѣнится одинаково, съ должною разсудительностію. Впрочемъ и то надо помнить, что ни одинъ, можетъ быть, изъ существующихъ нынѣ городовъ не соотвѣтствуетъ вполнѣ своему назначенію, которое конечно состоитъ не въ растлѣніи силъ, и содержитъ въ себѣ всякое противоядіе. Сохранныя кассы, дѣтскіе пріюты, средства общаго образованія и развлеченія, драма, концерты, публичные курсы и проч. возможны лишь въ городахъ. Явная безнравственность, всякая жестокость даже съ безсловесными оскорбляютъ сильно чувство горожанъ.

Изстари хвалятъ земледѣльца какъ сильнаго храбраго солдата; но это преимущество имѣетъ цѣну свою лишь для тѣхъ, которые вѣруютъ въ необходимость войны, а не считаютъ ее, зломъ временно-преходящимъ и уже видимо-рѣдѣющимъ передъ нами. И та же кисть изображаетъ намъ поселянина кроткимъ, миролюбивымъ. Въ этомъ противорѣчіи не таится-ли глубокая истина? Въ безвѣстной тишинѣ сельской жизни, онъ живетъ «въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго,»

покорный судьбѣ, простосердечный, не враждуя съ людьми, потому что почти не знается съ ними *); вмѣстѣ съ тѣмъ, равнодушный къ тонкостямъ и тревогамъ общежитія, невольно ограниченный въ своихъ понятіяхъ, — и потому его легче фанатизировать. Но въ этой способности кочевые народы еще выше его, и — страшнѣе для враговъ внѣшнихъ. И однакоже внутренніе враги гораздо опаснѣе: онъ ихъ не знаетъ, или несетъ иго ихъ съ безчувствіемъ. Напротивъ того чувство самосознанія всегда живѣе тамъ, гдѣ частыя столкновенія людей между собою опредѣляютъ ясно цѣль общественнаго союза и мѣру принадлежащихъ каждому правъ и выгодъ, а самосознаніе есть пробный камень нравственности и всѣхъ вообще догматовъ общежитія. Въ городахъ своихъ Европа обновилась и разбогатѣла, они роятся въ сѣверной Америкѣ. Вездѣ-ли такъ должно быть? мы не знаемъ. Впрочемъ рѣшеніе вопроса объ относительномъ достоинствѣ нравовъ сельскихъ и городскихъ вѣроятно

*) Впрочемъ большая половина гражданскихъ споровъ и тяжбъ разцвѣтаетъ между васильковъ, «барской спеси» и «куричьей слѣпоты». Хотите-ли найти мѣру нравственной утонченности «мирныхъ» поселянъ? посмотрите на обращеніе ихъ съ домашними животными; сочтите хромыхъ лошадей, на которыхъ разъѣзжаютъ они по столичной мостовой.

въ текущемъ году облегчится новыми изысканіями. Институтъ Франціи предложилъ желающимъ состязаться на премію слѣдующую задачу: «изслѣдовать и показать сравнительнымъ образомъ условія нравственности людей, занимающихся земледѣліемъ и работающихъ на фабрикахъ»*). Вы видите: это вопросъ еще не рѣшеный. Намъ, Русскимъ, труднѣе нежели другимъ рѣшить его, потому что города наши не имѣютъ еще характера самобытнаго и той опредѣленности отношеній, которая есть слѣдствіе совмѣстнаго ихъ противоположенія, по правилу: opposita juxta posita magis elucescunt. Ссылаемся въ доказательство на составъ столичнаго населенія**), предоставляя другимъ сдѣлать заключеніе

*) Institut II Sect 1845 № 112.

**) По отчетамъ санктпетербургскаго и московскаго оберъ-полицмейстеровъ, составъ населенія былъ слѣдующій. Въ С. Петербургѣ (въ 1843 г.), крестьянъ разнаго названія, дворовыхъ, нижнихъ воинскихъ чиновъ, взятыхъ изъ того же состоянія, временно-цеховыхъ и вольноотпущенныхъ ни къ чему не приписанныхъ, *всего* 265,426 *душъ обоего пола* очень сомнительно — городскихъ на 443,360 цѣлаго населенія. Въ Москвѣ, (въ 1840 г.) на 347,224 души обоего пола, тѣхъ же состояній, (кромѣ временно-цеховыхъ, которыхъ число не показано особо), считалось 212,625 человѣкъ. Не нарядно!

о пользѣ или вредѣ, имѣющихъ со временемъ произойти отъ видимаго у насъ механическаго вліянія города на деревню и деревни на городъ. Мы коснулись здѣсь этого предмета потому только, что отношеніе земледѣлія къ другимъ отраслямъ промышленности, по мнѣнію нашему, невѣрно постигается тѣми, которые, ревнуя къ славѣ земледѣлія и родимаго села, въ видахъ народнаго благонравія, то отвергаютъ вовсе необходимость инаго развитія, то желаютъ подчинить его сельской простотѣ, ихъ же предположеніемъ подрываемой. Между тѣмъ нынѣ всѣми признано, что односторонніе успѣхи вообще въ большемъ размѣрѣ не возможны, и земледѣліе прибыльно лишь тамъ, гдѣ доходъ отъ него получаемый измѣряется наибольшею суммою другихъ цѣнностей, поступающихъ въ обмѣнъ, что въ свою очередь предполагаетъ полное самостоятельное развитіе каждой части порознь. Теорія согласуется въ этомъ съ практикой, только въ этомъ, nec plus ultra.

Но и теорія не всегда согласна съ началами вещей. Напримѣръ, когда отрицая всякую особенность въ промыслѣ земледѣльческомъ, и увлекаясь сходственными чертами, нѣкоторые признаютъ

въ немъ только родъ фабрикаціи, и разсуждаютъ о земледѣліи подъ однимъ, общимъ, сплошнымъ названіемъ industrie fabricante *). Очевидно, что сходство должно быть, потому что все это промыслы; однако же есть различія, которыхъ не должно терять изъ вида. Вотъ стеклянный заводъ; въ раскаленномъ горнилѣ клокочетъ лава: въ ней песокъ, зола, известь. Подъ дыханіемъ работника эта масса превращается въ хрустальный графинъ, въ чистое зеркало и т. п. Не толи же бываетъ когда земля, принявъ въ себя поземъ, зерно и влагу, напрѣтая жаромъ солнца, производитъ хлѣбъ, овощь, виноградъ? Но различіе состоитъ въ дѣйствующихъ при томъ силахъ природы: силы органическія, которыми пользуется земледѣлецъ, по самой природѣ своей полновластнѣе и доводятъ произведенія свои до большаго совершенства, что всего замѣтнѣе въ размноженіи животныхъ. Очевидно, что ягненокъ родится, ростетъ и начинаетъ давать волну почти безъ содѣйствія хозяина, и когда хозяинъ

(*) Traité d' Economie Politique par M. le comte Destutt de Tracy. Paris 1823. p. 96.

налагаетъ на него руку, природа уже сдѣлала все, что отъ нея зависитъ, сдѣлала несравненно болѣе того, что ею же творится въ глиняномъ горшкѣ заводчика, когда онъ прикасается къ нему своимъ художествомъ. Таинственное начало жизни служитъ съ покорностію земледѣльцу, а въ мірѣ нѣтъ ничего выше жизни и ея законовъ. Ея-то творчество даетъ особый характеръ земледѣлію, съ одной стороны надѣляя земледѣльца своимъ полномочіемъ, съ другой, — и въ силу того же полномочія, содержа его въ тѣсной отъ себя зависимости. Тамъ, гдѣ природа такъ много дѣлаетъ, она вольна въ своихъ дарахъ и милостяхъ; все потеряно, если она ослабѣетъ въ дѣйствіи своемъ или приметъ не то направленіе. Неурожай есть примѣръ такой случайности. Въ сукнодѣліи, въ дѣлѣ золотыхъ вещей или шелковыхъ шляпъ и т. п., былъ бы матеріалъ, неурожая не будетъ. Вообще вліяніемъ случая объясняется многое въ отношеніяхъ и судьбѣ земледѣльческаго класса и промысла. Не игрою-ли случая распредѣляются въ пропорціяхъ недовѣдомыхъ, въ бореніи безконечномъ, четыре стихіи древнихъ — земля, вода, воздухъ и огонь, образуя міръ, насъ окружающій? Тамъ океанъ день и ночь гложетъ землю; здѣсь она

простирая жесткіе свои члены, стѣсняетъ раздолье широкое водъ; вольнѣе ихъ воздухъ всеобъемлющій, только съ виду уступчивый; и — могучій господинъ земли и неба, свободнѣе, легче эѳира, огонь, то живительный, то мертвящій, волнуетъ воздухъ, море, и опалятъ или отсутствіемъ своимъ леденитъ поверхность земли. Въ этой борьбѣ и ея послѣдствіяхъ вы видите дѣло случая, принимающаго въ космическихъ своихъ размѣрахъ видъ нѣкотораго постоянства, общія формы необходимости, которымъ мы даемъ названіе климата, почвы, мѣстоположенія. Все это внѣшнимъ образомъ опредѣляетъ ходъ и возможные успѣхи земледѣлія: все это почти вовсе не зависитъ отъ насъ. И съ тѣхъ поръ какъ племена земныя сѣли на мѣстахъ своихъ, и родилось понятіе отчизны и отчины, имъ достались *случайно* кому гористое, кому ровное владѣніе, однимъ болота и морозъ, другимъ песчаная степь или край плодородный и благорастворенный воздухъ. Всѣ правы, никто не виноватъ, за тѣмъ что выбора тутъ не было и быть не могло....

Осталось примѣняться къ условіямъ данной внѣшности. Кое-что можетъ быть въ ней измѣнено, исправлено въ отношеніи къ почвѣ, климату и мѣстности;

опыты улучшенія въ этомъ родѣ новы и принадлежатъ недавнему времени. Такъ, напримѣръ, невыгоды мѣстоположенія могутъ быть усилены вліяніемъ господствующихъ вѣтровъ, причиняющихъ чрезмѣрный зной, холодъ или жаръ и слѣд. вредъ посѣвамъ, которые зябнутъ на сѣверѣ, сохнутъ на югѣ. Природною защитой отъ вѣтровъ служатъ горы, которыя направленіемъ своимъ въ ту или другую сторону опредѣляютъ свойство климата, въ огражденномъ мѣстѣ. Все это отъ насъ не зависитъ. Но, въ нѣкоторомъ смыслѣ, густой пространный лѣсъ замѣняетъ горы *): на вершинѣ ихъ онъ имѣетъ высокое назначеніе управлять метеорами во благо дольнихъ пространствъ. Во власти нашей сберечь такіе лѣса отъ сѣкиры неразумія и корысти, отъ зуба домашнихъ животныхъ, и тѣмъ самымъ подѣйствовать на климатъ, слѣд. и на земледѣліе. Вліяніе отдаленное, по сложности сопряженныхъ съ нимъ обстоятельствъ, и также потому, что плоды его зрѣютъ столѣтіями. Это самое препятствуетъ оцѣнить его

*) Нынѣ догадываются, что пирамиды египетскія должны были служить оплотомъ нильской долинѣ отъ летучихъ песковъ ливійской степи; слѣд. замѣняли собою и горы и лѣса.

съ точностію въ настоящее время и питаетъ сомнѣнія разнаго рода. Однако же есть нѣсколько фактовъ дальновидной политики, о которыхъ здѣсь кстати упомянуть. Край, носившій нѣкогда имя Прованса и Дофинѐ, превратился бы въ глушь недоступную, нежилую, еслибъ не приняты были мѣры къ возстановленію тамъ, не говорю плодородія, самой почвы. Снѣжныя Альпы Дофинѐ шлютъ дожди и туманы, которые, низвергаясь въ потокахъ, несутъ разрушеніе долу, смываютъ безъ слѣда съ отлогостей горъ луга, сады, усадьбы, мосты и дороги. Съ другой стороны, палящее солнце Прованса сжигаетъ часть тѣхъ же Альповъ, такъ что, при малѣйшемъ прикосновеніи, верхи и отклоны ихъ съ грохотомъ мечутъ внизъ легкій земляной покровъ свой и каменный пепелъ. Когда же гроза разразится надъ ними, и тогда стремительный ливень, безплодный водопадъ, ворочая камни, лишь довершаетъ опустошеніе *). Таковы климатъ и мѣстность! Кто можетъ пересоздать ихъ? Но лѣса укрѣпили бы косогоры; подъ кровомъ ихъ собрались бы воды

*) L'Institut II Sect. 1844 № 97, 98, 99.

тихія и живыя, и земля покрылась бы скоро произведеніями двухъ царствъ природы. Все это будетъ лѣтъ черезъ пятьдесятъ: тогда самый климатъ смягчится. Между тѣмъ — запретить потраву скотомъ и порой запашку, садить и сѣять одинъ лѣсъ: вотъ обязанность настоящаго передъ потомствомъ! И Франція исполнитъ долгъ свой здѣсь, какъ исполнила его въ другомъ мѣстѣ, при гасконскомъ заливѣ. Тамъ, на 120 верстъ тянется низкій отмелый берегъ: атлантическій океанъ строитъ на немъ песчаные свои замки, которые вѣтромъ уносятся внутрь земли, сѣя смерть и безплодіе всюду . . .

Посѣтивъ Бордо и степную его окрестность, я, признаюсь, съ умиленіемъ глядѣлъ на питомники морской сосны, сѣянной на сыпучемъ бѣломъ пескѣ, назначенной для скрѣпленія береговъ. Едва поднявшіеся отъ земли, какъ нѣжная озимь, густые ряды ея готовились къ смѣлой, подземной борьбѣ съ океаномъ: и побѣда ихъ несомнѣнна! Семдесятъ лѣтъ тому Бремонтье началъ сѣять: изъ казны отпускается 50 т. франк. ежегодно. Дѣла станетъ еще на полтора вѣка: длинный срокъ для непостоянства людей и превратностей всякаго рода! Но уже 10000 десятинъ сосноваго бора на подвижныхъ пескахъ —

залогъ безопасности степнаго земледѣльца и цѣлаго края. Еще мертвы тѣ степи Жиронды, во многомъ схожія съ нашими новороссійскими степями, которыя также требуютъ многихъ жертвъ и усилій, тѣмъ болѣе, чѣмъ онѣ обширнѣе. Здѣсь представляется двоякая потребность — укрѣпленія песковъ по берегамъ рѣкъ и защищенія почвы отъ зноя и вѣтра внутри степей. На низовьяхъ Днѣпра, близъ города «Алешки» пески занимаютъ поверхность въ 115,000 десятинъ *). Мѣры принятыя къ ихъ отверженію, до 1842 года почти не имѣли успѣха: съ тѣхъ поръ разведеніе на нихъ красной лозы пошло удачнѣе, и нынѣ покрыто ею болѣе 1000 десятинъ. На широкомъ пространствѣ Россіи есть не мало сыпучихъ песковъ, оспориваюшихъ мѣстность у земледѣлія. Но пески, лежащіе по теченію южныхъ рѣкъ, пользуясь щедрымъ ихъ испареніемъ и теплотою южнаго неба, родятъ обильно хлѣбъ и овощь, едва окрѣпнутъ: потому они драгоцѣнны. Еще важнѣйшія перемѣны въ развитіи цѣлаго края, произойдутъ

*) См. еще нѣкоторыя извѣстія о сихъ пескахъ въ Журн. Министерства Государственныхъ Имуществъ 1841 г. № 5. Смѣсь стр. 286.

отъ лѣсныхъ насажденій внутри самой степи. Тутъ также недавно-принятый методъ посадки, вмѣсто стараго, обѣщаетъ счастливые результаты. Прежде держались того мнѣнія *), что степныя плантаціи слѣдуетъ дѣлать по низамъ, въ ложбинахъ, которыя тамъ зовутся балками, въ томъ предположеніи, что въ нихъ собирается влажность отъ стока воды. Но упущено было изъ виду, что въ нихъ же большею частію находятся солонцы; что перемѣны температуры въ сыромъ мѣстѣ чувствительнѣе и несноснѣе для молодыхъ растеній. И потому, прежде съ большимъ трудомъ и напряженіемъ силъ едва удалось развести нѣсколько деревъ въ окрестностяхъ Одессы и на рѣкѣ Молочной; въ другихъ же мѣстахъ степи плантаціи гибли на первой порѣ: съ прискорбнымъ недовѣріемъ смотрѣли на все это начинаніе утомленные поселяне. Но не далѣе какъ въ 1842 году понятія измѣнились: стали сажать деревья на возвышенныхъ вольныхъ мѣстахъ степи, и труды увѣнчались успѣхомъ. Тогда нашли полезнымъ

*) Мнѣніе г. фонъ-Бринкена, бывшаго директора лѣсовъ въ Царствѣ польскомъ. См. сочиненіе его: Ansichten über die Bewaldung der Steppen. Braunschweig 1833.

дать лучшее направленіе степному лѣсоводству; учреждено учебное лѣсничество въ ста верстахъ на С. отъ Маріуполя, среди новыхъ поселеній государственныхъ поселянъ, на участкѣ въ 2,550 десятинъ нетронутой почвы, въ проѣзжемъ мѣстѣ; заложены въ большомъ размѣрѣ сѣмянные разсадники, и эти сѣянцы безвредно перенесли дѣйствіе продолжительной засухи прошедшаго 1845 года *). Съ надеждою стремится вниманіе къ этой ново-анатольской пустоши, которой мы дали бы названіе ново-апостольской.... Въ самомъ дѣлѣ, спросимъ ли отчета у собственныхъ своихъ впечатлѣній, или будемъ прислушиваться къ наблюденіямъ другихъ, найдемъ, что степь унылая и пустая, безводная, голая, обожженая лѣтомъ, разгулъ ужасныхъ мятелей зимою, переродилась бы такъ сказать, если бы землю осѣнить лѣсомъ: весеннія воды и мѣстами родники, изсякающіе отъ лѣтняго зноя, и дождевыя капли, упадшія на-земь, не изчезали бы въ безплодныхъ испареніяхъ какъ понынѣ, а свѣжили бы почву и произрастенія;

*) Достойный исполнитель этихъ предначертаній (г. Граффъ) тщательно производимыми метеорологическими наблюденіями готовитъ на будущее время средства къ рѣшенію важнаго вопроса о вліяніи лѣсовъ на климатъ и на гражданственность обширнаго края.

восточный вѣтръ не вредилъ бы имъ за-лѣсомъ; веселыя станицы процвѣли бы по берегамъ новыхъ рѣчекъ, и кругомъ ихъ пашни и луга съ стадами. Гдѣ вода и солнце, тамъ жизнь: а вода требуетъ себѣ защиты отъ солнца, иначе и черноземъ не дастъ ничего путнаго. Другія предложенія, какъ то разводить въ степи озера, задерживая въ природныхъ котловинахъ дождевую и весеннюю воду устроеніемъ плотинъ *), или посредствомъ изгородей и канавъ защитить траву пастбищъ отъ пасущихся за нихъ овецъ **, — всѣ эти и подобныя предположенія должно, какъ кажется, считать лишь дополненіемъ къ выгодамъ, ожидаемымъ отъ обширнаго разведенія лѣса. Вліяніе необозримыхъ лѣсовъ на сѣверный край Россіи еще мало изслѣдовано. Однако же есть нѣкоторыя наблюденія, доказывающія важность этого вліянія на земледѣліе. Иные полагаютъ даже, что «земледѣлецъ-лѣсожитель превосходитъ земледѣльца, проживающаго въ открытыхъ мѣстахъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ *нравственномъ*

*) Мнѣніе г. Крестлинга. См. Журн. Мин. Государст. Имуществъ 1841 № 6. Смѣсь стр. 562.

**) Записка г. Испара. Тамъ же, стр. 596. Сравни того же Журнала 1842 № 6. Смѣсь.

отношеніи» *). Но оставляя этотъ вопросъ въ сторонѣ, напомнимъ здѣсь замѣченное въ костромской губерніи, что подъ защитою сплошныхъ лѣсовъ, въ расчищенныхъ мѣстахъ растительность хороша, именно на бѣдной песчаной почвѣ; что раннею весною лѣсистыя мѣста *после* всѣхъ другихъ обнажаются отъ снѣга, когда уже холода совсѣмъ миновали: напротивъ того, въ другихъ мѣстахъ, при сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ «увлаженная весенними водами почва и обмытая талымъ снѣгомъ и дождемъ озимь, то замерзаютъ ночью, то днемъ отъ солнца оттаиваютъ» **). Такія перемѣны въ 1840 году до того были пагубны для озимей, что онѣ, пожелтѣвъ на поверхности, уже не отродились отъ корней. Въ лѣсу все это было иначе.

Вообще мы имѣемъ здѣсь дѣло съ грандіознымъ отношеніемъ одной части края къ другой его части, и этотъ край, это цѣлое есть — Россія. Средняя полоса ея была бы конечно холоднѣе и земледѣліе въ ней труднѣе, если бъ, при недостаткѣ горъ, густые лѣса на сѣверѣ не задержи-

*) Г. Рудольфъ. Тамъ же стр. 571.

**) Тамъ же.

вали ледовитаго вѣтра. Она была бы также гораздо суше, т. е. бѣднѣе водою. Такъ по крайней мѣрѣ думаютъ всѣ, желающіе видѣть неприкосновенными нагорные лѣса вездѣ, гдѣ они еще не тронуты, приписывая часто встрѣчаемому истребленію ихъ замѣтное обмеленіе и засореніе рѣкъ и видимо рѣдѣющіе дожди, частыя засухи.

Взаимная зависимость этихъ явленій вообще подтверждается также наблюденіями. Въ южной Америкѣ европейскіе ученые обратили вниманіе на горизонтъ воды въ большихъ озерахъ, и нашли, что высота воды мѣнялась въ разное время (кто бы подумалъ?) въ слѣдствіе политическихъ событій. Въ теченіе полстолѣтія въ одномъ и томъ же мѣстѣ слышались сѣтованія жителей самыя противоположныя, сначала на безпрерывную убыль воды въ озерѣ, потомъ на возрастающій приливъ ея. Чѣмъ объяснилось противорѣчіе? Въ первый періодъ времени, край тотъ подъ сѣнію мира спокойно развивался, народъ промышлялъ, множился и вырубалъ лѣса для разныхъ нуждъ своихъ, а болѣе для нуждъ распространявшагося земледѣлія: вода убывала. Потомъ въ политическихъ судьбахъ Новаго-Свѣта произошелъ великій переворотъ: тотъ же край купилъ себѣ

независимость внѣшнюю цѣною внутреннихъ потрясеній. Кровавая междоусобная борьба отвлекла на время силы народныя отъ производительныхъ занятій: поля заглохли; лѣса, скоро-спѣющіе въ тропическомъ климатѣ, покрыли землю; и — воды потекли обильнѣе. Теперь, онѣ снова убываютъ... Объясненіе остроумное, можетъ быть справедливое *).

Недавно подобные факты обнаружились и въ Россіи. Лѣтъ десять тому получено было донесеніе о мелководіи Волги въ тверской губерніи, съ объясненіемъ, что виной постепеннаго обмеленія ея считается истребленіе лѣса. Составлена здѣсь комиссія подъ названіемъ «волжской» изъ ученыхъ имперіи, для рѣшенія вопроса о вліяніи лѣсовъ на количество воды въ рѣкахъ и источникахъ. Принятыя ею мѣры для точнаго наблюденія явленій, къ вопросу относящихся, дадутъ со временемъ способъ рѣшить его окончательно **).

*) Economie rurale par J.-B. Boussingault, T. II. p. 701 etc.

**) См. отчетъ подъ заглавіемъ: Ueber den Wald und Wasser Vorrath im Gebiete der oberen und mittleren Wolga v. *P. v. Koeppen* (съ картою) помѣщенный въ издаваемомъ Академіею Наукъ сборникѣ: Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs 4 Band 1841.

Между тѣмъ одинъ изъ членовъ комиссіи *) счелъ за нужное предостеречь наше легковѣріе отъ обольщеній предразсудка. И то заслуга; при недостаткѣ достовѣрности, сомнѣніе есть броня для любящихъ одну правду. Будемъ осторожны: прежде всего подлинное истребленіе лѣса должно быть несомнѣнно доказано: иногда оно происходитъ лишь въ воображеніи и молвѣ народной; иногда принимаютъ часть за цѣлое, и видя наприм. оскудѣніе мачтоваго лѣса или возвышеніе цѣны на дрова, (что можетъ быть отъ разныхъ причинъ), заключаютъ опрометчиво, что лѣса со всѣмъ пропали. Потомъ не надо забывать, что въ нашихъ сѣверныхъ широтахъ, земля не такъ-то легко теряетъ болотную свою влажность; и сверхъ того, ежели лѣсъ съ одной стороны охраняетъ ее отъ незапнаго испаренія, то съ другой стороны листья и вѣтви деревъ не допускаютъ часть росы и дождя до земной поверхности. Наконецъ вліяніе лѣсовъ на состояніе атмосферы иногда слишкомъ преувеличиваютъ, потому что — по мнѣнію ученаго скептика — выше лѣса

*) Vorwort des Herausgebers (K. E. v. Baer). Тамъ же.

стоячаго мчится облако ходячее: гонимое вѣтромъ издалека, можетъ быть съ Ледовитаго моря, оно разражается грозой гдѣ случится, не смотря на то что растетъ въ нижнихъ слояхъ атмосферы, трава или лѣсъ. Однако же «пространный лѣсъ, замедляя движеніе вѣтра въ нижнемъ слоѣ воздуха, тѣмъ самымъ имѣетъ вліяніе и на верхній», и «уменьшеніе лѣсовъ не можетъ остаться безъ послѣдствій для полноводія рѣкъ», — того не отрицаетъ и скептицизмъ.

Какъ бы то ни было, наша власть на климатъ и подобныя условія внѣшности очень ограниченна, и если можетъ что нибудь сдѣлать, то неиначе какъ съ помощію долгихъ лѣтъ, слѣд. подъ страхомъ многихъ превратностей. Земледѣліе принимаетъ всѣ тѣ условія какъ нѣчто данное, неизмѣняемое, какъ даръ случая болѣе или менѣе счастливаго: иначе сказать, оно не такъ свободно располагаетъ собою какъ другіе промыслы.

Изъ всѣхъ причинъ ограниченія главная заключается въ томъ, что земля не безпредѣльна. Населеніе ея растетъ, она не можетъ увеличиться въ своемъ объемѣ. Съ раздѣленіемъ ея на части, раждается во всей полнотѣ своей понятіе

исключительной собственности, и людямъ становится тѣсно. Начало исключенія, имѣя корень свой въ этомъ внѣшнемъ свойствѣ нашей планеты, бросаетъ тѣнь свою на всѣ политическія и политико-экономическія отношенія народа. Во всѣхъ промыслахъ, трудъ, распорядительность и бережливость стремятся найдти и находятъ себѣ возмездіе въ лицѣ представителей своихъ — работника, хозяина и капиталиста. Такъ дѣлится на три особыя вѣтви общій доходъ каждаго промысла. Въ земледѣліи вырастаетъ еще одна новая вѣтвь — рента, доходъ землевладѣльца. Но за что владѣлецъ земли получаетъ доходъ свой? Спросите лучше *отъ чего*? Отъ того что творящія силы находятся въ землѣ, а земля въ пространствѣ, которое ограничено и принадлежитъ ему. Владѣлецъ ничего не сдѣлалъ для промысла: онъ родился, fruges consumere natus — воля случая. Есть знаменитая теорія, объясняющая происхожденіе ренты разностію земель въ отношеніи къ плодородію и къ выгодамъ мѣстоположенія *). Пусть будутъ три ровныхъ участка, принадлежащіе разнымъ

*) *D. Ricardo* Principles of political Economy and taxation. 1817.

владѣльцамъ. Первый участокъ, самый плодородный, нанятъ и воздѣланъ прежде другихъ: онъ производитъ ровно 100 мѣръ хлѣба; но этого не довольно для потребителей, и хлѣбъ дорожаетъ. Тогда берутся за второй участокъ, менѣе прибыльный, который можетъ дать въ сборѣ не болѣе 90 мѣръ. Наемщикъ перваго участка ничего не потеряетъ въ сравненіи съ наемщикомъ втораго, ежели самъ довольствуясь сборомъ въ 90 мѣръ, лишнія 10 мѣръ отдастъ владѣльцу земли: вотъ рента! И тѣмъ же путемъ очередь въ свое время дойдетъ до третьяго участка, который даетъ лишь 80 мѣръ. Тогда второй владѣлецъ получитъ въ видѣ ренты 10 мѣръ съ наемщика своей земли, а рента перваго владѣльца возвысится до 20. Каждый разъ подобное возвышеніе ренты сопровождается возвышеніемъ цѣны произведеній: это очевидно. Но одно изъ этихъ явленій естьли слѣдствіе, естьли причина другаго? вотъ вопросъ. Можно сказать, что между ними существуетъ взаимное дѣйствіе и воздѣйствіе. Цѣна возвышается — и *въ слѣдствіе того* владѣлецъ получаетъ ренту; но, съ своей стороны, наемщикъ земли, заплатя ренту, становится въ-ровень съ своимъ собратомъ, воздѣлывающимъ худшій сортъ земли, и

слѣд. при сбытѣ произведеній продаетъ ихъ по той же цѣнѣ какъ и онъ, т. е. такъ же дорого, какъ и тотъ, кто борется съ неплодіемъ почвы, иначе сказать, сколько можно дороже, а потому рента есть одна изъ *причинъ* высокой цѣны произведеній.

Этотъ вопросъ, въ своей отвлеченности, кажется важнымъ для науки, только для науки. Но Богъ знаетъ какія страсти, сколько пламенныхъ словъ и мыслей возбуждаетъ онъ въ практической жизни народовъ, тамъ гдѣ понятія, интересы и права олицетворяются и говорятъ дѣлами. Здѣсь указывается только простая основа того преимущества, которое снуется на отрицательномъ свойствѣ земли, на ея ограниченности, источникѣ всѣхъ послѣдующихъ ограниченій и преимуществъ. Изъ права частной исключительной собственности, которая есть фактъ *настоящей* организаціи обществъ, проистекаетъ доходъ землевладѣльца, образуется постепенно подъ вліяніемъ этой и другихъ причинъ, особый классъ людей, имѣющій такимъ образомъ вещественную свою опору. И когда этотъ классъ людей образовался, то большая или меньшая мѣра выгодъ, имъ себѣ присвоенныхъ, есть дѣло случая и собственнаго

его о самомъ себѣ радѣнія. А какъ ни тому ни другому нельзя положить предѣла, то легко можетъ статься, что особые интересы получатъ распространеніе непомѣрное, охватятъ всѣ пульсы народной жизни и заградятъ ей пути къ развитію. Легко образуется понятіе, что владѣльцы земли — властители государства, на землѣ основаннаго: все устроится къ ихъ пользѣ и удовольствію, и законы, данные ими государству, утвердятъ власть ихъ, увѣковѣчатъ ихъ вліяніе. Впрочемъ всему есть мѣра и предѣлъ: est modus in rebus. Излишество въ этомъ отношеніи зовется злоупотребленіемъ власти, и возбуждаетъ необходимо противодѣйствіе. Монтескьё признавалъ *умѣренность* блюстительнымъ началомъ всякой аристократіи. Но умѣренность также трудно опредѣлить, какъ трудно сохранить ее въ дѣлахъ и желаніяхъ.

Однакоже, измѣряя все однимъ понятіемъ общаго блага, и внимательно наблюдая знаменія временъ, можно — мы не сомнѣваемся—пройдти благополучно между пучинъ и мелей житейскаго моря. Иначе, борьба безславна и гибель неизбѣжна. Здѣсь горизонтъ предъ нами разширяется; мы коснулись власти: это сфинксъ въ миѳическомъ

сказаніи объ Эдипѣ. Ограничимся: рѣчь идетъ о власти на землю, и говорится, что она можетъ выйдти изъ предѣловъ своихъ, и сдѣлать вредъ себѣ и другимъ, вмѣсто добра, котораго мы отъ нея ожидаемъ. Не будемъ доказывать этого примѣрами, взятыми изъ старины; нѣтъ замѣчательнѣе того, что происходитъ близъ насъ въ настоящее время.

Изъ всѣхъ аристократій Европы англійская одна уцѣлѣла и сохранилась въ первоначальной своей силѣ; съ другой стороны, тамъ и прочіе классы общества полны могущества и сознанія правъ своихъ; нѣкоторые изъ нихъ въ самомъ уничиженіи своемъ почерпаютъ новую энергію. Все это придаетъ особую занимательность борьбѣ обиженныхъ интересовъ съ привиллегіями знатныхъ. Въ Англіи считаютъ съ-небольшимъ полмилліона владѣльцевъ, имѣющихъ право исключительной собственности на землю, между тѣмъ какъ напр. во Франціи она раздѣлена между 5 милліонами частныхъ владѣльцевъ *); слѣд. по

*) Etudes d'Economie politique sur la propriété territoriale par G. Dupuynode 1843.

уравненію пространства обѣихъ державъ, въ Англіи ихъ было бы менѣе милліона. При такомъ сосредоточенномъ владѣніи, англійское земледѣліе болѣе нежели всякое другое находится подъ вліяніемъ монополіи. И та, можетъ статься, была бы не вредна, если бы постоянно умѣрялась совмѣстничествомъ иноземныхъ произведеній. Но лѣтъ 30 тому, землевладѣльцы, имѣя въ рукахъ своихъ двѣ трети законодательной власти, обложили привозный хлѣбъ пошлиной, измѣняющейся такимъ образомъ, что когда цѣна туземнаго хлѣба понижается, пошлина возрастаетъ, преслѣдуя, такъ сказать, дешевизну по пятамъ, какъ общаго врага, и все такъ устроено, что напр. цѣна пшеницы, даже послѣ преобразованія этихъ законовъ въ 1842 году, не можетъ быть ниже 48 р. четверть. Землевладѣльцы считаютъ эту цѣну едва достаточною для себя, говоря технически, цѣною вознаградительною, подобно тому какъ у насъ, въ пензенской губерніи 8 р. за четверть ржи, по мнѣнію нѣкоторыхъ, также «вознаградительны». Извѣстно, что съ цѣною хлѣба сообразуются всѣ цѣны и платежи, и потому всѣ, кромѣ землевладѣльцевъ, обезпечившихъ, какъ сказано прежде, доходъ свой, всѣ терпятъ убытокъ и стѣсненіе,

тѣмъ или другимъ образомъ, отъ дороговизны хлѣба. Тутъ уже нѣтъ и сомнѣнія въ томъ, что причиною ея рента, искуственнымъ средствомъ возвышенная. И противъ нея-то, скажемъ лучше, противъ безмѣрнаго ея возвышенія, возстали многіе, сперва одиноко и врознь, потомъ общими силами и такъ сказать всенародно. Союзъ единомыслящихъ, подъ названіемъ *лиги*, получившій начало въ 1838 году, поставилъ себѣ цѣлію безусловную отмѣну всякихъ пошлинъ на хлѣбъ инородный, привозимый въ Англію *). Возставая на это злоупотребленіе законодательной власти, ораторы лиги преслѣдуютъ его безъ пощады въ собраніяхъ многолюдныхъ, и жаркая ихъ полемика озаряетъ умы громады багровымъ пламенемъ страстей, прозорливыхъ какъ зависть врага. Трудно было бы дать здѣсь понятіе объ особенномъ краснорѣчіи этихъ вѣтій народныхъ, употребляющихъ все для видовъ своихъ: и тонкій силлогизмъ и простую пословицу, библейскія притчи и хитрость риторики, иперболу, аллегорію и сарказмъ. Здравыя

*) Cobden et la Ligue ou l'agitation anglaise pour la liberté du commerce par *M. F. Bastiat.* Paris 1845. Далѣе, указанія на эту книгу, для избѣжанія частыхъ подстрочныхъ ссылокъ, помѣщены въ самомъ текстѣ разсужденія.

истины вылетаютъ изъ устъ ихъ, преисполненныхъ огорченія и пристрастія, «Корысть! корысть ослѣпляетъ людей» восклицаетъ одинъ изъ нихъ, «и люди не понимаютъ словъ самыхъ обыкновенныхъ. Одинъ мой знакомый, находясь въ большомъ собраніи фарисеевъ, ни какъ не могъ растолковать имъ, что значитъ *справедливость*. Онъ написалъ это слово и спросилъ ихъ: что это такое? Одинъ изъ фарисеевъ кликнулъ: «справедливость!» Тутъ мой пріятель положилъ гинею на писанное, и говоритъ: теперь что видишь? и фарисей въ отвѣтъ: *ничего*, — за тѣмъ что золото помѣшало.» (*с. 60*). Вотъ небольшой образикъ ихъ витійства. Однако же не забудемъ, что основатели лиги сами владѣльцы фабрикъ, фабриканты Манчестра, и безкорыстіе ихъ по крайней мѣрѣ сомнительно. Имъ хотѣлось бы, чтобы хлѣбъ былъ дешевъ, чтобъ убавить задѣльную плату и сберечь капиталъ: они первые отъ того выиграютъ. Къ счастію, интересъ ихъ, въ этомъ случаѣ, согласуется съ общимъ, который и служитъ имъ полномочіемъ и предлогомъ. Съ какимъ увлекательнымъ жаромъ изображаютъ они благую необходимость вольной торговли! «Возвратимъ, говоритъ ихъ ораторъ, возвратимъ свободу всемірной торговлѣ; напомнимъ

людямъ, что всѣ они братія, что долгъ ихъ помогать другъ другу, дѣлиться благами, которыми такъ разнообразно осыпала ихъ природа, жить въ мирѣ и согласіи, вопреки горамъ и рѣкамъ, ихъ раздѣляющимъ. Въ отдаленныя времена, времена патріарховъ, никто не мѣшалъ сыновьямъ Іакова привозить хлѣбъ изъ Египта къ себѣ въ голодную Палестину: сношенія людей тогда были вольны. Мы, христіане, уже ли хуже людей того вѣка? уже ли забыта заповѣдь: «не дѣлай другому чего себѣ не желаешь»; и другая заповѣдь: «возлюбите другъ друга какъ братія». Вольный торгъ есть исполненіе христіанства на самомъ дѣлѣ..... Мы наслѣдовали торговую славу Финикіи. Промышленность возвеличила насъ, и вліяніе наше такъ обширно, что весь міръ глядитъ на насъ съ участіемъ, ожидая себѣ спасительнаго урока: исполнимъ надежды его своею доблестію и благоразуміемъ.» Потомъ исчисливъ націи, увядшія подъ тлетворнымъ дыханіемъ монополій, ораторъ продолжаетъ: «Взгляните на Голландію. Земля тамъ ниже поверхности моря: только умъ да упорный трудъ могли отнять эту землю у волнъ морскихъ. Но Голландія нашла тайный ключъ къ процвѣтанію царствъ — свободу. Свободный торгъ далъ

ей средства отразить и смирить Испанію, стать на ряду съ сильнѣйшими въ мірѣ государствами. И хотите ли знать какъ далеко пронеслась эта слава Голландіи? Недавно привезенъ сюда изъ Китая между прочимъ учебникъ, по которому тамъ, въ китайскихъ школахъ, проходятъ географію. Знаете-ли какъ тамъ описывается Англія? *Англія есть небольшой островъ на Западѣ, принадлежащій Голландцамъ.* Судите сами по этой пробѣ просвѣщенія какъ трудно было Богдо-Хану повѣрить, что безчисленное войско его разбито горстью нашихъ. Но послѣ того, можно надѣяться, что не позже какъ въ этомъ году (1843) новый курсъ географіи или исправленное изданіе учебника введется въ училищахъ срединнаго государства» (*с. 78–83*) Вы слышите: это ловкія похвалы тщеславія, гласы лестные для народнаго самолюбія. Но «не одна дорога въ Римъ» гласитъ пословица; другіе, стремясь къ той же цѣли, обращаются къ другимъ чувствамъ и понятіямъ. «Пусть плѣняется кто захочетъ, говорятъ они, орнаментальной частью нашихъ учрежденій, ихъ вѣковой, почетной стариною. Что въ ней? Прямая честь и польза учрежденій та, чтобы народъ имѣлъ законный свой удѣлъ въ приличныхъ

способахъ и наслажденьяхъ жизни.» И потомъ, какъ бы развивая ту же мысль, «homo sum, humanique nihil a me alienum puto!» восклицаетъ одинъ изъ 700 духовныхъ членовъ лиги. «Я готовъ защищать всѣми силами это общее наше дѣло, зная, что отъ него зависитъ благополучіе моихъ братій. Кто братъ мой? Каждый, не только тотъ, кто живетъ близъ меня, въ сосѣднемъ городѣ, въ одной улицѣ со мною, каждый!... человѣкъ, въ какихъ бы обстоятельствахъ онъ ни находился»... «Въ потѣ лица заработывать хлѣбъ свой, — вотъ первый законъ общежитія.» (*с. 96, 97*) Но работникъ, по мнѣнію того же духовнаго оратора, уже не въ состояніи прокормить себя трудомъ своимъ, потому что есть препятствія, которыя лига низпровергнетъ. Въ разительныхъ чертахъ изображаются имъ горькія послѣдствія бѣдности: люди умираютъ съ голода, преступленія видимо умножаются, семейныя и гражданскія связи слабѣютъ, средства общественнаго призрѣнія и публичнаго воспитанія истощаются (*с. 100*). «И когда посомнѣнно доказано, (говорится въ заключеніе), что, *съ слѣдствіе* запретительнаго закона, тысячи и тысячи людей терпятъ крайнюю нужду, когда всенародное бѣдствіе разливается всюду изъ центра государства

до самыхъ его предѣловъ, когда сокрушаются силы человѣчества, — я возстаю здѣсь во имя его, во имя Бога милосердаго!»

Не будемъ требовать точныхъ свѣдѣній отъ подобныхъ импровизацій. Картины не доказательства: цѣль ихъ иная; ихъ колоритъ зависитъ всегда отъ расположенія духа, когда онъ не есть одно изъ условій риторическихъ. Даже строгой послѣдовательности нельзя ожидать тутъ; она почти и не нужна тамъ, гдѣ одинъ имѣетъ желаніе и сильныя средства увлечь всѣхъ въ извѣстную сторону, а другіе — увлечься. Тутъ всякое слово, и на авось брошенное, попадаетъ въ цѣль. Такъ, напримѣръ, все, что скажется о послѣдствіяхъ *бѣдности* примется за одно съ послѣдствіями *пошлины*, хотя, говоря логически, объемъ одного понятія гораздо больше нежели объемъ другаго, и бѣдность, кромѣ пошлины, можетъ имѣть еще иныя причины, а въ настоящемъ случаѣ весь вопросъ въ томъ состоитъ: какъ пошлина содѣйствуетъ ей т. е. общей бѣдности? Правду сказать, это вопросъ уже рѣшеный для сонмища; но онъ рѣшенъ отчасти другими ораторами лиги тутъ же, stante pede, и слѣдовательно также не безъ

односторонности; отчасти рѣшенъ народнымъ чувствомъ, и слѣдовательно безъ сознанія.

Промышленность каждаго народа имѣетъ двѣ стороны: внутреннюю и внѣшнюю. Она производитъ цѣнности для *внѣшней* торговли, (и въ Англіи эта часть ея гораздо значительнѣе нежели во всякой другой землѣ.) Произведенія тѣмъ легче сбываются и торгъ ими тѣмъ обширнѣе, чѣмъ они дешевле; для того-то надо и производить ихъ дешево. Но возможно ли это пока содержаніе работника (т. е. главное, хлѣбъ) будетъ дорого? Нѣтъ. И такъ уменьшеніе сбыта или внѣшней торговли, застой производящихъ силъ, оцепененіе и растлѣніе народа — вотъ послѣдствія неестественной дороговизны въ отношеніи внѣшнемъ, послѣдствія важныя и очень безпокойныя, преимущественно для Англіи. И если бы кто-нибудь возразилъ, что экономія можетъ быть соблюдена, (и при настоящихъ успѣхахъ техники соблюдается), въ другихъ элементахъ производства, напр. сбереженіемъ времени, матеріала, раздѣленіемъ занятій, искуствомъ производителей, то мы сказали бы, что та экономія сама по себѣ, а плата рабочимъ, при дорогомъ хлѣбѣ, должна быть и останется высока, что невыгодно для торговли и для нихъ

самихъ. Есть правда рабочіе сильные и ретивые, которые не ѣдятъ пшеницы, а глотаютъ огонь да воду; но наемные люди не любятъ этихъ помощниковъ, за то что они — по крайней мѣрѣ на время — оставляютъ ихъ безъ дѣла и также безъ хлѣба. Тутъ сельскіе господа могли бы очень кстати спросить между прочимъ городскихъ господъ и нѣкоторыхъ членовъ лиги, за чѣмъ они, пользуясь досужествомъ Уатта и Стефенсона, вводятъ у себя машины, *понижающія* задѣльную плату, отъ чего наемнымъ людямъ конечно не легче. Фабриканты отвѣтятъ, что пониженіе платы не могло бы вредить рабочимъ, еслибъ они не были принуждены платить за все въ три-дорога, по милости ихъ сіятельствъ; что они, фабриканты, хлопочутъ о томъ, какъ бы цѣны убавить, и тѣмъ привлечь къ себѣ иностранныхъ покупателей, которые любятъ дешевое, а не дорогое, и даютъ въ обмѣнъ свой хлѣбъ доморощенный, да его не впускаютъ въ Соединенное-Королевство. «Откройте имъ нашъ внутренній рынокъ, гремитъ стоустая лига, и они раскупятъ наши произведенія.» Но здѣсь-то и начинается теорія вѣроятностей: всѣ государства придерживаются запрещеній, хотятъ производить все сами, хоть

дорого да мило, потому что свое изделіе. Самолюбіе — противное здравому расчету, но оно выдумало и поддерживаетъ тарифы. Кто поручится въ томъ, что другія государства измѣнятъ свою таможенную систему, что англійскіе товары вездѣ будутъ хорошо приняты? «Нужды нѣтъ, возражаетъ лига; во всякомъ случаѣ, покупая хлѣбъ безданно безпошлинно, мы хоть въ-половину воспользуемся свободой и плодами собственнаго благоразумія: пусть между тѣмъ другіе благонамѣренно вредятъ себѣ сами, отказываясь вѣчно отъ хорошаго и дешеваго, ради дурнаго и дорогаго.» Наконецъ, — и это самый сильный, самый щегольской доводъ, какъ говорятъ математики, — не должно измѣрять будущаго настоящимъ. Теперь всѣ чуждаются другъ друга: Англія дастъ примѣръ чистѣйшихъ лучшихъ убѣжденій уничтоженіемъ преградъ, и другіе захотятъ подражать ей, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому что Англія, занимая высокое положеніе въ мірѣ, имѣетъ вездѣсущее вліяніе на дѣла его; во-вторыхъ, потому что благія дѣйствія свободы обнаружатся предъ всѣми въ цвѣтущемъ состояніи края, и — побѣдятъ всѣ предразсудки.

Для Россіи, эта перемѣна будетъ благодѣтельна. Страна хлѣбородная, она тяготится своимъ избыткомъ, какъ человѣкъ иногда страдаетъ отъ полнокровія. Ей представится снова удобный случай испытать на дѣлѣ, при другихъ обстоятельствахъ, великодушныя начала финансовой политики 1819 года; новое побужденіе къ усовершенствованію путей внутренняго сообщенія: усовершенствованіе необходимое для большей подвижности запасовъ, такъ какъ по самымъ вѣроятнымъ предположеніямъ, первымъ дѣйствіемъ свободной торговли хлѣбомъ въ Англіи будетъ не столько усиленіе ввоза его туда, сколько то, что ввозъ его будетъ ровнѣе и постояннѣе. Тогда не только выиграетъ нашъ земледѣлецъ, но и всѣ состоянія народа сдѣлаются богаче; мы не будемъ платить по-пяти рублей серебромъ за ситцевое платьице, которое въ Парижѣ стоитъ два рубля, а въ Гласговѣ рубль: проиграетъ только лѣнь да необразованность. Какъ бы то ни было, надо согласиться, что въ отношеніи къ внѣшней торговлѣ, мнѣнія лиги, которыя мы въ частномъ своемъ убѣжденіи раздѣляемъ, потому что они смѣлы и великодушны, утверждаются покуда на предполагаемой взаимности всѣхъ народовъ. Простительно тѣмъ, которые

не ввѣряются предположеніямъ, простительно имъ, защищая интересы земледѣлія, считать себя по крайней мѣрѣ не врагами общественной пользы; но — понятіе ея также не должно быть имъ чуждо.

Землевладѣльцы могутъ ли назваться представителями земледѣльческихъ интересовъ? Въ этомъ вопросѣ промыселъ является намъ съ *внутренней* своей стороны. Можно бы сказать, что законъ запретительный, содержа хлѣбъ въ высокой цѣнѣ, обеспечиваетъ производителей, побуждаетъ ихъ оставаться въ своемъ состояніи, воздѣлывать землю, общую нашу кормилицу, между тѣмъ какъ другіе промыслы работаютъ болѣе для чужихъ, невѣдомыхъ, дальнихъ прихотей, на вывозъ*) и т. п. Но всему этому противополагается слѣдующее: «Для кого они, эти законы, сдѣланы? Не для фермеровъ: чѣмъ дороже хлѣбъ, тѣмъ выше рента, которую они принуждены платить за землю. Не для рабочихъ батраковъ: напротивъ, ихъ задѣльная плата дошла уже до того,

*) По сознанію самихъ фабрикантовъ, внутреннее потребленіе бумажныхъ тканей не превышаетъ $^1/_7$ всего производимаго количества: все прочее идетъ за границу.

что не можетъ понизиться. Не для торгующихъ; наши пристани пусты, а заводы нѣмы и бездвижны. Не для тѣхъ, которые живутъ трудомъ умственнымъ; умъ въ бездѣйствіи, когда тѣло въ нуждѣ. Ни же для самихъ землевладѣльцевъ, развѣ для тѣхъ, которые лишь по имени владѣютъ давно-прозаложеннымъ имѣніемъ. И такъ вся эта бездна золъ терпима множествомъ людей въ угоду малой горсти лицъ, которыя пройдутъ какъ тѣнь, и даже племя ихъ не воспользуется тѣмъ, что они имѣютъ!» (*с. 33*) Здѣсь по крайней мѣрѣ различено то, что иначе смѣшивается и представляется въ слитности. Непосредственно въ земледѣліи дѣйствуетъ, какъ и во всякомъ промыслѣ, хозяинъ промысла, занимающій землю (въ Англіи фермеръ), и рабочіе, на разныхъ условіяхъ обрабатывающіе ее своими силами. Землевладѣлецъ получаетъ ренту, не участвуя самъ въ земледѣліи; онъ можетъ потомъ издержать доходъ свой какъ ему заблагоразсудится: экономія промысла отъ того не пострадаетъ. Вотъ въ сущности теорія ренты принятая экономистами одной знаменитой школы. И если бы всѣ землевладѣльцы жили по этой теоріи, если бы англійскіе въ особенности ничего болѣе не произвели, кромѣ

извѣстнаго закона о привозномъ хлѣбѣ, въ такомъ случаѣ они заслужили бы названіе безплоднаго класса, собирающаго дань съ земледѣлія и со всего народа. Но ежели въ самомъ дѣлѣ таково правило, то каковы исключенія? Ихъ такъ много и они такъ значительны, что сами по себѣ составляютъ правило. Извѣстно, съ какою пользою англійская аристократія употребляетъ поземельный доходъ свой на усовершенствованіе земледѣлія, на заведенія образцовыя въ хозяйствѣ, на осушку болотъ и проведеніе каналовъ, на улучшеніе породъ кровнаго скота: овецъ, телицъ и лошадей въ своихъ имѣніяхъ, откуда, посредствомъ случки и продажи, улучшенное племя распространяется по цѣлому краю, можно сказать по всему свѣту; все это дѣлается въ скромной тишинѣ, досужествомъ однихъ лишь частныхъ интересовъ, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ одна какая-нибудь изъ этихъ частей хозяйства, напр. коннозаводство, составляетъ особую вѣтвь администраціи и расхода государственнаго. Посмотрите какія имена украшаютъ собою списокъ членовъ большаго Земледѣльческаго Общества Англіи: лордъ Спенсеръ, Вестернъ, графъ Лейстеръ и др. не по имени только принимаютъ

живое благотворное участіе въ дѣлахъ Общества, предсѣдательствуютъ въ его собраніяхъ, говорятъ въ нихъ умныя рѣчи, и обильными вкладами своими поддерживаютъ всякое полезное предпріятіе,— составляется ли капиталъ для страхованія жизни земледѣльцевъ или имущества ихъ отъ огня, града, падежа скота, собирается ли подписка для поощренія къ изобрѣтеніямъ; къ изданію полезной книги, журнала и т. п. На этомъ основаніи слѣдуетъ считать ихъ участниками въ промыслѣ, и, если угодно, его представителями. Они содѣйствуютъ возвышенію общаго дохода, отъ земли получаемаго, и берутъ изъ него свою долю, въ видѣ ренты. При отвлеченномъ взглядѣ все это теряется изъ виду.

За то, отвлеченный взглядъ открываетъ намъ двѣ вещи: во-первыхъ, рента можетъ быть не въ соразмѣрности съ тѣмъ содѣйствіемъ землевладѣльцевъ, и тогда она есть явленіе чуждое земледѣлію, и, какъ причина дороговизны, вредное, особенно въ томъ случаѣ, когда желаніе возвысить доходъ поземельный, ведетъ къ стѣснительнымъ для народа мѣрамъ управленія. Тогда ропотъ возстаетъ на злоупотребленіе власти, и послѣднее зло помрачаетъ сдѣланное добро. «Что дѣлаютъ

законодатели? вопрошаетъ ораторъ лиги: *) они хлопочутъ объ одномъ, чтобы цѣна товара ихъ была все выше, выше, выше, цѣна монополистовъ»... И еще: «Чего мы требуемъ? Отмѣны монополій, — а монополія есть право, скажу вѣрнѣе, самозванство нѣкоторыхъ лицъ, присвоившихъ себѣ однимъ торговлю тѣмъ нибудь.» Говорящіе такимъ образомъ не бездомные мутители народа, а люди почтенные, даровитые и богатые, занимающіе въ своихъ фабричныхъ заведеніяхъ по нѣскольку тысячъ рабочихъ, какъ и вообще лига есть созданіе средняго, зажиточнаго класса людей, любящаго миръ, покой и порядокъ. И потому запальчивость ихъ рѣчи была бы непонятна, если бъ искуственная дороговизна не стѣсняла ихъ такъ чувствительно, что они на все готовы отважиться, въ томъ убѣжденіи, что освобожденіе торговли отъ узъ монополіи есть коренная необходимая мѣра къ общему спасенію. «Какъ хотите, говорятъ они, народъ, платящій дань за хлѣбъ насущный, есть народъ въ оковахъ.» Во-вторыхъ: независимо отъ ограниченій, налагаемыхъ

*) Событія уже отвѣчали на этотъ вопросъ. Съ 27 января н. ст. начались единственныя въ исторіи политической экономіи совѣщанія Парламента и всесожженіе запрещеній.

положительнымъ закономъ, есть въ самой сущности вещей особыя причины, ограничивающія благодать земледѣлія для міра вообще, причины то случайныя, то необходимыя. Къ случайнымъ мы относимъ — неурожай, который по послѣдствіямъ своимъ есть то же, что запрещеніе ввоза. И замѣчательно, что тамъ гдѣ землевладѣльцы не пользуются подобною привиллегіею положительнаго закона, они прославляютъ неурожай и доказываютъ общественную его пользу. Тѣ же самыя доказательства, которыя въ англійскихъ журналахъ напр. въ *Стандартѣ* (*Standart*) ежедневно и систематически плодятся подъ перомъ софистовъ, преданныхъ одной изъ великихъ партій королевства, въ пользу «измѣняющейся пошлины» — можно найдти въ *Московскомъ Наблюдателѣ 1835 года*, гдѣ одинъ писатель, разсматривая вопросъ: «былъ ли голодный 1833 годъ столь общественно тяжелъ для Россіи, какъ полагаютъ; и должно ли причислить его къ бѣдствіямъ?» выводитъ заключеніе, что этотъ годъ поправилъ

*) «Взглядъ на цѣны хлѣба, бывшія въ пензенской губерніи съ 1830 до 1835 года, и на послѣдствія низкихъ цѣнъ.» *Московскій Наблюдатель 1838 г.* (2)

дѣла помѣщиковъ, давъ имъ возможность продавать по 16, даже по 28 р. четверть ржи, и эти цѣны «пополнили недочеты земледѣльцевъ отъ бывшихъ въ предъидущіе годы низкихъ цѣнъ на хлѣбъ,» и въ слѣдствіе того полагаетъ, что неурожай вообще былъ полезенъ для государства *). «Недостатокъ хлѣба, пишетъ онъ, былъ чувствителенъ только въ классѣ самомъ бѣднѣйшемъ.... Бѣдный всегда бѣденъ: ему всегда нужна помощь; но помощь эта, тяжелая при упадкѣ цѣнъ на хлѣбъ, легка для помѣщиковъ и для правительства, когда хлѣбъ дорогъ.... При дорогомъ хлѣбѣ до нѣкоторой степени, деньги вертятся живѣе, слѣд. ихъ въ народѣ болѣе; слѣд. онѣ дешевле; отъ того являются надобности, прихотями и прихотями выдуманныя, промышленность и торговля въ цвѣтущемъ состояніи, подати легки.» И еще: «внутренняя коммерція» (въ слѣдствіе голода) «увеличилась во

*) А. Смитъ, какъ-бы предчувствуя замѣченную мною здѣсь обоюдность политико-экономическаго софизма, разсуждая о налогахъ на предметы первой необходимости, говоритъ: «налоги этого рода, возвышаясь сверхъ мѣры, образуютъ такое же бѣдствіе какъ неплодіе почвы или воздушныя непогоды.» Recherches sur la nature et les causes de la Richesse des Nations p. A. Smith, trad. de 1843, Paris. II, p, 51-52.

всѣхъ отношеніяхъ; къ высокимъ цѣнамъ на хлѣбъ народъ попривыкъ; расчеты и обороты стали производить, соображаясь съ этою привычкою». Такъ-то всегда въ подобныхъ разсужденіяхъ предполагается, что цѣны всѣхъ вещей вообще *легко* приходятъ въ равновѣсіе; и окончательно никто не терпитъ вреда отъ ихъ возвышенія: напротивъ, каждый, платя дороже за хлѣбъ, *и свое* продаетъ дороже. Все это только благовидно. Здѣсь сама собою представляется дилемма: нѣкоторые предметы по разнымъ причинамъ не могутъ продаваться дороже прежняго, и продавцы ихъ, при возвышеніи цѣны на хлѣбъ, останутся въ накладѣ; или въ самомъ дѣлѣ цѣны *всѣхъ* предметовъ возвысятся, — и тогда только выраженіе цѣнъ деньгами перемѣнится, въ сущности же все останется по прежнему: (само собою разумѣется, что рѣчь идетъ тутъ только о внутреннемъ торгѣ.) Мы не противимся тому, что авторъ статьи называетъ «соразмѣрною дороговизною» или, лучше, цѣною, признавая ея необходимость для того, чтобы усилія земледѣльца были вознаграждены; однакоже считаемъ неудобнымъ путемъ къ такой соразмѣрности неурожай или монополію, кромѣ той, которая въ самомъ свойствѣ земли

необходимо заключается, и образуетъ тѣ *естественную* монополію землевладѣльцевъ. Объ эту — сокрушатся усилія тѣхъ, которые требуютъ «отмѣны всѣхъ монополій».

Въ отличіе земледѣлію поставляется то, что произведенія его, *со теченіемъ времени*, постоянно возвышаются въ своей цѣнности. Во-первыхъ, возрастающее населеніе требуетъ бо́льшихъ средствъ продовольствія и разнаго матеріала для фабричныхъ издѣлій. Во-вторыхъ, какъ послѣднія могутъ умножаться почти безпредѣльно, и съ успѣхами техники и народнаго богатства умножаются, слѣд. дешевѣютъ, земледѣліе же, имѣетъ свои предѣлы, то и выходитъ, что продукты его вымѣниваются постоянно на бо́льшее количество тѣхъ издѣлій. И такъ, какова бы ни была нарицательная цѣна сельскихъ произведеній, навѣрное можно сказать, что при успѣвающемъ ходѣ общежитія, меновая цѣнность ихъ будетъ увеличиваться, — явленіе безпримѣрное въ другихъ промыслахъ. Плоды этого преимущества раздѣляются между тѣми, которые живутъ земледѣліемъ. Это было уже замѣчено *другими* *) въ отношеніи

*) Cours d' Economie politique par H. Storch. Paris 1823. T. II, 96; IV note 5. III, liv 8, ch 3.

къ цѣлымъ народамъ; но то же самое наблюденіе съ бо́льшею, какъ кажется, вѣрностію можетъ быть примѣнено къ взаимному отношенію разныхъ классовъ народа. Какъ въ Писаніи сказано, «гдѣ есть пожива, тамъ соберутся орлы», въ избыткахъ земледѣлія являются участниками владѣльцы земли. Рента, имъ платимая, уравновѣшиваетъ прибыли хозяевъ въ этомъ промыслѣ съ прибылями въ другихъ промыслахъ; она же обезпечиваетъ существованіе особаго класса людей въ обществѣ, и богатство этого класса есть слѣдствіе и т. с. знаменіе общаго богатства и благоуспѣшнаго развитія всѣхъ силъ народа; слѣдствіе, — а можетъ быть причиною и залогомъ этихъ вожделѣнныхъ явленій. Все зависитъ отъ организаціи общества болѣе или менѣе счастливой и благодатной.

Владѣть землею на правѣ исключительной собственности можетъ быть предоставлено всѣмъ безъ различія, или можетъ составлять особую привиллегію нѣкоторыхъ лицъ и родовъ. Въ первомъ случаѣ каждый въ правѣ пріобрѣсти такое имѣніе и положить въ него капиталъ свой, т. е. дать капиталу употребленіе, обѣщающее со временемъ наибольшую прибыль, доходъ неизмѣняемый

и прочный: представится оборотъ еще болѣе прибыльный, и тотъ же капиталъ къ нему обратится. И такъ, выгодное положеніе землевладѣльца достается случайно то тому лицу, то другому, и хотя эта возможность нѣкоторымъ образомъ равняетъ между собою всѣхъ имѣющихъ состояніе, однако же, въ совокупности своей, землевладѣльцы, и при такомъ порядкѣ вещей, противополагаясь другимъ классамъ общества, пользуются въ сравненіи съ ними преимуществомъ (возрастающаго дохода), о которомъ упомянуто выше. Второй случай представляетъ намъ то же начало, усиленное еще политическими учрежденіями, устроенное закономъ положительнымъ. О такомъ законѣ надо сказать, что онъ не чуждъ естественной основы, и потому найдетъ оправданіе свое въ теоріи; но въ практикѣ онъ можетъ дѣйствовать исключительно въ угожденіе частнымъ интересамъ, или быть проникнутъ понятіемъ общей пользы. Скажемъ лучше, не въ законѣ писанномъ, а въ нравахъ и обычаяхъ заключается сила и свойство такихъ учрежденій.

Если исторія и давняя знаменитость отмѣтили нѣкоторыя имена въ государствѣ, и роды, ихъ носящіе, сомкнулись въ тѣсный кругъ, и

стали на чредѣ прямаго высшаго достоинства, то другіе тѣмъ охотнѣе согласятся отдать имъ преимущество; и такое согласіе, будучи общимъ и добровольнымъ, запечатлѣнное вѣковымъ обычаемъ, обратится ко благу всѣхъ и каждаго. Предъ нами будетъ сословіе именитое, отмѣнное по своей организаціи, высокое по назначенію, надѣленное средствами къ его достиженію, уважаемое если уважаетъ общія права, и подлинно стремится къ предназначенной ему цѣли. Утверждаясь на своей самобытности, на прочности своего положенія, оно устроитъ судьбы народа, оградитъ его отъ враждебныхъ покушеній, введетъ въ обѣтованіе правомѣрной жизни, гдѣ законъ господствуетъ, смягчаемый лишь кротостію нравовъ, для всѣхъ равноспасительный, безъ лихвы и лицепріятія, гдѣ чувства, мысли и слова свободны, и путь къ развитію открытъ для всѣхъ дарованій. Существованіе такого сословія не есть ли особое счастіе для народа, особенно благопріятный случай? Разсуждающіе о поземельномъ доходѣ въ отношеніи къ внутреннему состоянію народа, имѣютъ ли средство оцѣнить эти выгоды, какъ оцѣняютъ прибыли промышленности? Или по обыкновенію

тв, которыми пользуются, не знаютъ имъ цѣны и по видимому не дорожатъ ими.

Недоброты возстаная на нелишество выгодъ, присвоенныхъ себѣ англійскими землевладѣльцами, нападаютъ на самую ихъ основу, въ укоръ зовутъ ихъ монополистами, «хлѣбными торговцами» (*стр. 121, 123, 126, 319, 385*), смѣются надъ мнимою ихъ заботливостію о низшемъ рабочемъ классѣ (*с. 206*), и кромѣ корысти приписываютъ имъ еще малодушную зависть къ правамъ народа. «Очами зависти глядятъ они на возрастающіе успѣхи общества въ богатствѣ и умственномъ развитіи, и гоняясь за феодальными отличіями, издаютъ законы, имѣющіе упрочить ихъ владычество» (*с. 65.*). Наконецъ приведемъ здѣсь еще одинъ двусмысленный упрекъ лиги: «мм. гг! аристократія, владѣя землею исключительно, располагаетъ всѣмъ вообще въ нашемъ государствѣ: народъ и законодательство у нея въ рукахъ. Она начальствуетъ въ войскахъ: нашъ флотъ ея наслѣдіе, подъ вліяніемъ ея церковь и государыня. Англія, наша родина, «великая, и свободная, и прославленная,» Англія запряжена въ ея колесницу. Мы не можемъ похвалиться ни прошедшимъ, ни настоящимъ, ни же гадать о

будущемъ; не можемъ стать самоохотно подъ общую хоругвь, водившую насъ искони «черезъ огонь и бури»; не въ правѣ мы сказать: вотъ флагъ, размыкавшій по всѣмъ морямъ духъ нашей предпріимчивой отваги! Что мы въ литературѣ? И намъ-ли подобаетъ честь того единственнаго превосходства надъ народами, которое мы обращаемъ въ ихъ же пользу «уча искуству жить», по выраженію поэта? Нѣтъ, нѣтъ, вся эта честь и слава принадлежитъ не намъ, не нашему народу: все это собственность и принадлежность одного; хоть малаго, но *жаднаго* сословія» (*с. 35*). Эти слова, какъ очевидно, не панегирикъ въ устахъ оратора, напротивъ того; однако же Англія «великая и свободная» конечно не мало обязана тѣмъ высшему своему сословію. Другіе великодушнѣе и яснѣе исповѣдуютъ это передъ народомъ. «Есть разныя степени образованности, говоритъ одинъ: дикарь, занявшій что нибудь изъ обычаевъ европейскихъ, поставитъ честь свою въ блистательномъ нарядѣ, предастся нѣгѣ, винопійству, и образованность его погубитъ. Дайте нищему много золота: съ нимъ будетъ то же самое. Но взгляните на высшіе классы общества; возьмите человѣка, рожденнаго въ знати и обиліи:

онъ иначе понимаетъ образованность. Скажемъ откровенно: въ этомъ отношеніи, англійская аристократія далеко превзошла всѣ другія; примѣръ высокій и назидательный! Наши лорды отвергли пышность одѣяній; свою ливрею отдали слугамъ; оставя нѣгу и излишество, они хранятъ умѣренность и простоту во всемъ, и въ пищѣ и въ питьѣ. Люди лучшаго тона дорожатъ лишь тѣмъ, что можетъ укрѣпить ихъ тѣло и душу. И подлинно благополучіе человѣка состоитъ не въ чувственныхъ наслажденіяхъ, а въ развитіи способностей физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ, да будетъ онъ долголѣтенъ и да исполнитъ многое благо на землѣ.» (*с. 91*). «Я думаю, замѣчаетъ другой, что отмѣнное уваженіе нашего народа къ собственности знатныхъ основано на томъ убѣжденіи, что они, пользуясь ею, имѣютъ не только право, но и обязанности священныя» (*с. 29*). И потомъ: «я уважаю *знать*, когда она, исповѣдуя любовь къ ближнему, тѣмъ болѣе благотворитъ ему, чѣмъ онъ бѣднѣе, чѣмъ она богаче» (*с. 175 и 232*). И еще: «Не одно обладаніе землею, нѣтъ, умъ и сердце также что нибудь значатъ въ бытіи народа. Философъ всеиспытующій, сановникъ государственный, поэтъ и труженикъ — все это

нація. Есть мѣсто въ ней и для аристократіи, когда она и мыслію и дѣломъ способствуетъ величію отчизны, успѣхамъ человѣчества. (с. 211). Ограничимся замѣчаніемъ: гдѣ подобные отзывы слышатся изъ устъ демагогическихъ, тамъ, при всей генеральности ихъ, надобно допустить, что аристократія не безъ заслугъ передъ народомъ, и что заслуги ея неотрицаемы. Тамъ онѣ живо чувствуются даже врагами, какъ показано выше. «Аристократія не осчастливила Англіи, но она возвеличила ее, сформировала народный характеръ. Самообладаніе, рѣшимость и стойкость въ предпріятіяхъ, уваженіе къ чужимъ правамъ, глубоко-впечатлѣнное чувство долга: вотъ черты, которыя высшій классъ, усвоивъ себѣ, сообщилъ другимъ сословіямъ. Благородство изъ гордости — чувство аристократическое — стало въ народѣ проводникомъ добродѣтели. Англичанинъ всегда хочетъ казаться порядочнымъ человѣкомъ, и для того избѣгаетъ предосудительныхъ дѣлъ, чтобы не уронить себя. Какая-нибудь неприличность дѣлаетъ болѣе шума въ англійскомъ обществѣ, нежели злодѣйство въ иномъ мѣстѣ. Въ Англіи сколько нибудь порядочный человѣкъ никогда не лжетъ. Отсюда всеобщее довѣріе,

необыкновенно облегчающее механизмъ житейскихъ сношеній: дѣла ведутся на честное слово. Въ такомъ порядкѣ вещей есть нѣчто восхитительное.» Такъ, или почти такъ выражается одинъ наблюдательный Французъ *); слѣдовательно также врагъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи, врагъ аристократіи по національному убѣжденію. Такія свидѣтельства очень важны.

Мы съ того начали какъ художественно располагается жизнь въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ земледѣліе, на степени искуства, обильно благими изящными послѣдствіями. Мы указали край, гдѣ высшій классъ народа подаетъ другимъ примѣръ творческой дѣятельности въ сельской жизни и въ жизни вообще, гдѣ рѣдкія преимущества этого класса выкупаются дарами политической образованности, всемѣстно разпространенной. Источникъ самыхъ преимуществъ скрывается въ природной сущности вещей. Природа сама, такъ сказать, подаетъ руку землевладѣльцу, обезпечивая досугъ его, illa nobis haec otia fecit, досугъ не купленный, не срочный, — и тѣмъ самымъ

*) Etudes sur l' Angleterre p. M. L. Faucher II vol. p. 407 etc.

призывая его къ высшимъ обязанностямъ. Знаемъ, что благовѣстъ ея можетъ не дойдти до слуха, разслабленнаго нѣгою, или загрубѣлаго въ невѣжественномъ эгоизмѣ: не постоимъ за тѣхъ, которые не хотятъ постигнуть своего назначенія, и убѣжденные въ неспособности его выполнить, пьютъ сладкую чашу самозабвенія; ихъ жизнь потеряется въ ничтожествѣ. Но исключенія въ сторонѣ: мы открываемъ въ соціальномъ положеніи землевладѣльца простыя начала, изъ которыхъ можетъ выйдти добро и зло, можетъ и ничего не выйдти: вопросъ, котораго тайна заключается въ духѣ народа, въ искуствѣ законодателей.

Нѣкоторые говорятъ: вотъ наступилъ послѣдній часъ и англійской аристократіи; другіе классы народа переймутъ ея первенство, да сбудется пророчество лиги, «уже возсіялъ свѣтъ на горизонтѣ общаго разумѣнія, и знаменія временъ творятся даже надъ тѣми, которые давно погрязли въ своекорыстіи»;... «прошли столѣтія: истины забвенныя прояснились снова; явились люди достойные назваться апостолами свободной торговли» и т. п. (*с. 52, 260*). Не споримъ, что съ сокращеніемъ ренты многое перемѣнится въ положеніи землевладѣльцевъ и въ отношеніяхъ ихъ къ другимъ

сельскимъ состояніямъ, напр. фермеры независимые замѣнятся въ иныхъ случаяхъ отвѣтственными управителями. собственною экономіею и т. п. Но высшій классъ, въ слѣдствіе новыхъ законовъ, утратитъ лишь часть своихъ обширныхъ способовъ: при совмѣстничествѣ чужеземномъ, излишество ренты устранится, но законная необходимая доля ея останется неприкосновенною. Существованіе этой вѣтви народнаго дохода, свойственной одному земледѣлію, составляетъ отличительную черту его между промыслами, и даетъ ему то высокое значеніе въ смыслѣ политико-экономическомъ, которое мы старались указать въ этомъ разсужденіи. Во всякомъ случаѣ, если и погибнуть должно, (и сословія изчезаютъ), прекрасно сойдти съ поприща, оставя по себѣ слѣды неизгладимые своего бытія и вліянія на многіе вѣки. Быть и пройдти лучше нежели не быть вовсе.

Когда же въ слѣдствіе мѣстныхъ, историческихъ и др. причинъ, высшій классъ въ народѣ не существуетъ, развѣ только по имени, безъ наслѣдственной доблести, безъ хранительныхъ учрежденій, безъ вліянія политическаго какъ

сословіе, тогда лучше позабыть всѣ мнимыя различія, преимущества самодѣльныя, несвязнаго сочиненія, обидныя или пагубныя. Тогда великою, конечною цѣлію общежитія да будетъ весь народъ непосредственно, въ его нераздѣльной цѣлости; единою заботою власти, «чтобъ весь народъ постепенно подвигался къ добру, къ нравственному совершенству, находя въ законахъ равную защиту и покровительство произведеніямъ своего труда и собственности» *). Начало законнаго равенства, въ этой системѣ, ставъ душою политическаго тѣла, произведетъ то же самое, что неравенство правъ въ другой противоположной системѣ, основанной на томъ убѣжденіи, что *вліяніе одного сословія на другое возможно, дѣйствительно и полезно.*

При разныхъ обстоятельствахъ, обѣ системы могутъ быть хороши, потому что обѣ ведутъ къ одной цѣли, хотя пути и средства ихъ различны: въ обѣихъ, успѣхъ зависитъ отъ яснаго сознанія цѣли, отъ искренняго къ ней стремленія, тамъ сословій, тутъ

*) Руководство къ познанію законовъ, соч. гр. Сперанскаго. С. Петербургъ. 1845, *стр. 117.*

отдѣльныхъ лицъ, каждаго порознь *). Въ системѣ «отвлеченно-общаго интереса», какъ назовемъ для отличія первую, нѣтъ родовыхъ сословій; всякое лицепріятіе, всѣ ограниченія права неумѣстны; все должно быть доступно всѣмъ, и живое сознаніе общаго равенства будетъ вдохновеніемъ народа, залогомъ дѣлъ великихъ и благородныхъ. Предоставленный своей природной энергіи, безъ водительства посторонняго, онъ найдетъ въ самомъ себѣ, въ необходимо-данныхъ условіяхъ развитія, побужденія сильныя и стремленіе къ совершенству: довольство и сопутствующая ему образованность, не централизуясь въ одномъ сословіи, разольются всюду, по всѣмъ состояніямъ. Конечно для того требуется рѣдкое сочетаніе благопріятныхъ обстоятельствъ, счастливо-организованная національность, въ которой начала искренности и добра преобладаютъ. Не скроемъ всей трудности своего предположенія; младенецъ долженъ встать и ходить какъ взрослый:

*) Въ день трафальгарской битвы, Нельсонъ отдалъ въ приказѣ слѣдующее: «сегодня Англія надѣется, что каждый исполнитъ долгъ свой». Простота, достойная Леонида! и этимъ сказано *все*... regnorum fundamentum.

народъ всегда и вездѣ младенецъ. Однакоже, (уподобленія риторическія часто бываютъ источникомъ заблужденій), и между дѣтьми одни смышленѣе другихъ: принужденные рано промышлять о себѣ, они являютъ силы и свойства зрѣлыхъ лѣтъ. Къ тому же совершенство въ дѣлахъ человѣческихъ вообще есть плодъ труда, терпѣнія, поисковъ, временныхъ неудачь, кровавыхъ ошибокъ и жертвъ необходимыхъ; слѣдовательно, тернистый путь, по которому надо идти, не есть достаточная причина для того, чтобъ отказаться отъ высокой цѣли, хотя въ практической жизни нерѣдко бываетъ, что признаніе самыхъ несомнѣнныхъ правъ народа отсрочивается безконечно,— за незрѣлостію его и предполагаемою неспособностію ими пользоваться. Напротивъ того, сколько причинъ благаго поспѣшенія народъ, достойный царственной судьбы, найдетъ въ самыхъ тѣхъ успѣхахъ, которые уже сдѣланы имъ на политическомъ поприщѣ! «Мы сами, говорилъ Периклъ въ безсмертной рѣчи, сохраненной намъ Оукидидомъ, мы, живущіе нынѣ и достигшіе полныхъ лѣтъ жизни, мы прославили государство, и намъ обязано оно всѣми своими выгодами въ мирѣ и войнѣ... Чѣмъ же стяжали мы

себѣ могущество, какими учрежденіями гражданскими, какими обычаями возвеличилась наша держава: послушайте. Въ уставахъ политическихъ мы не подражаемъ никому, другіе намъ подражаютъ. Наши граждане, въ междоусобныхъ спорахъ своихъ, равны передъ закономъ: отличія пріобрѣтаются заслугами; почести даются добродѣтели, а не случаю и рожденію. Бѣдность и темное происхожденіе не помѣха тѣмъ, которые чѣмъ-нибудь могутъ служить государству. Всѣ мы свободно изъявляемъ мнѣніе свое о дѣлахъ публичныхъ; но во вседневномъ обращеніи частной жизни не простираемъ мнительнаго взора на дѣла другихъ; не ставимъ въ грѣхъ имъ радостей невинныхъ, и не смущаемъ ихъ угрюмо-жесткимъ видомъ. Если же мы кротки и непринужденны въ обращеніи между собою, за то, въ отношеніяхъ своихъ къ государству, исполнены спасительнаго страха, повинуясь всегда законамъ, особенно тѣмъ законамъ, которые даны въ защиту слабыхъ и безгласныхъ, и тѣмъ неписаннымъ уставамъ, которые ввелись безмолвнымъ всѣхъ согласіемъ и сохраняются общимъ благоприличіемъ. Учрежденіемъ игрищъ и годовыхъ празднествъ, утѣхами частной домашней

жизни, мы доставляемъ развлеченіе уму, и каждый день у насъ имѣетъ свои забавы и удовольствія. Наше владычество такъ обширно, что произведенія земель отдаленныхъ служатъ намъ, какъ произрастенія нашей почвы. Нашъ городъ открытъ для всѣхъ безъ различія: нѣтъ закона заграждающаго входъ въ него иностранцамъ, лишающаго ихъ права участвовать въ нашихъ учрежденіяхъ или зрѣлищахъ. Нѣтъ у насъ ничего тайнаго, даже для враговъ отечества. Въ войнѣ мы полагаемся не на нечаянность и хитрыя засады, а на свою отвагу и неутомимость. Наши враги съ самаго дѣтства пріучаются къ мужеству суровымъ упражненіемъ; а мы, воспитанные съ кротостію, мы не менѣе охочи идти на встрѣчу опасностямъ. Мы любимъ изящное въ-мѣру, безъ излишества; любимъ мудрствовать, безъ празднословія. Имѣемъ богатства, чтобъ пользоваться ими въ случаѣ, не для того чтобъ ими похваляться. Не стыдимся бѣдности, стыдимся лѣни, порождающей бѣдность. У насъ частные люди правятъ и дѣлами государственными, люди, живущіе работою рукъ своихъ, не чужды общественныхъ интересовъ. Кто ихъ чуждъ, тотъ, по нашему, безполезенъ. Мы судимъ правильно

и ясно постигаемъ; слово у насъ не препятствуетъ дѣлу, и назидательная рѣчь приготовляетъ насъ къ благоуспѣшному дѣйствію. Вотъ еще чѣмъ мы отличаемся отъ другихъ: мы смѣлы и предпріимчивы, но умѣемъ обдумывать свои предпріятія; напротивъ того, другіе смѣлы невѣденіемъ: когда же станутъ разсуждать, плошаютъ въ дѣлѣ. Мы думаемъ, что лишь тѣ могутъ считаться храбрыми, которые, вѣдая страшное и пріятное, не уклоняются отъ опасности. Грудью проложили мы себѣ путь всюду на сушѣ и моряхъ, и вездѣ оставили по себѣ память врагамъ — тяжкимъ ихъ раззореніемъ, друзьямъ — своимъ дружествомъ. Такъ славно отечество, за которое наши воины пріяли великодушную смерть, и всѣ мы горимъ желаніемъ принести себя въ жертву». *)

Волшебныя рѣчи, великіе образы! Какъ давно люди знаютъ путь къ благополучію обществъ! Какъ хорошо представлены здѣсь причины патріотизма у Грековъ, черты народнаго благородства! Источникъ его одинъ: самоуваженіе, признаніе человѣческаго достоинства въ человѣкѣ. Въ формулѣ его выраженія ничто не измѣнилось: новѣйшіе

*) Histoire grecque de Thucydide, texte grec avec version latine p. J. B. Gail. Paris 1807 Lib. II, cap. 36—42.

вставляютъ въ эту формулу нѣсколько терминовъ, неизвѣстныхъ древнимъ, лучше сказать развиваютъ ихъ, выводя изъ того, что давно извѣстно. Что новаго въ требованіи свободныхъ правъ совѣсти, неприкосновенности личной, права собственности на вещи своего созданія? Скажемъ еще, что, при этихъ условіяхъ, цѣлый народъ можетъ въ извѣстной степени, явить тѣ же свойства общественной утонченности, какими отличается высшій классъ, надѣленный всѣми своими преимуществами. Мы знаемъ это по опыту; въ иныхъ странахъ случается нерѣдко видѣть простолюдина, который обращеніемъ своимъ и наружностію, умомъ и дѣлами отнюдь не ниже порядочныхъ людей хорошаго тона: онъ этимъ обязанъ вліянію окружающаго его общества; собственно говоря, самому себѣ, но врожденныя сѣмена добра, но лучшія побужденія его природы развились безъ препятствія, наитіемъ свободы и благоустройства: вотъ все, чѣмъ онъ обязанъ обществу. Онъ знаетъ, что нѣтъ предѣла его правамъ, кромѣ такого же права другихъ; знаетъ, что властенъ располагать собою, своими силами, увеличивать свои способы, пріобрѣтать всякое имущество, недвижимую собственность, быть землевладѣльцемъ. Въ такой

возможности есть сильное поощреніе къ успѣхамъ всякаго рода. Само собою разумѣется, что земледѣліе въ такомъ случаѣ получитъ особый видъ раздробленія хозяйствъ, характеръ промысла, котораго душа есть совмѣстничество, bellum omnium contra omnes; поземельный доходъ, оставя свою исключительность, смѣшается съ другими статьями дохода. Что̀ нужды, если сумма общаго благополучія отъ того не оскудѣетъ? Вмѣсто величавой пышности немногихъ избранныхъ и колоссальной ихъ фортуны, мы будемъ имѣть суетливую дѣятельность пчелинаго роя, лучше того — милліоны людей, стремящихся, на свой рискъ, жить и дѣйствовать по-человѣчески. Тѣмъ лучше если изъ всесторонніхъ стремленій частнаго интереса выйдетъ полное, (нѣкоторыя несообразности всегда неизбѣжны), гармоническое развитіе цѣлаго.

Теперь припоминая все преждесказанное, выведемъ заключеніе, что земледѣліе, разсматриваемое на одной чредѣ съ другими промыслами, съ ихъ меркантильнымъ духомъ и пріемами, есть безспорно занятіе важное, необходимое какъ свѣтъ и воздухъ, но *менѣе* тѣхъ занятій прибыльное, потому что оно находится въ указанной

нами зависимости отъ внѣшнихъ условій и отъ чаемыхъ успѣховъ рукодѣлія и торговли. Прочность поземельной собственности и другія пріятности съ нею сопряженныя, возможность усовершенствованій агрономическихъ въ обширномъ смыслѣ слова, *уравновѣшиваютъ* нѣкоторымъ образомъ выгоды земледѣлія съ прибылями другихъ промысловъ. Многочисленный классъ земледѣльцевъ, неограниченное для всѣхъ право пріобрѣтать недвижимую собственность и располагать ~~его~~ его, переходить отъ одного занятія къ другому безпрепятственно, слѣд. равное уваженіе всѣхъ видовъ промышленности и всякой свободы — вотъ общія черты одной системы общежитія. Въ другой системѣ, земледѣліе становится *выше* промысла, на степени искуства, дѣломъ государственнымъ. Особый доходъ, рента, даетъ начало особому сословію, которое есть начало многаго въ народѣ и въ государствѣ. Пусть практика изберетъ ту или другую систему по своему разумѣнію: обстоятельства будутъ ей указаніемъ. Надо только позаботиться о томъ, чтобы, избравъ одну, ей и слѣдовать, избѣгая той шатости въ дѣлахъ и узаконеніяхъ, которая есть слѣдствіе неясности въ понятіяхъ. *Principiis obsta.*